



Олаф Бьорн Локнит

Пожиратели плоти

«Лениздат»

1997

Локнит О.

Пожиратели плоти / О. Локнит — «Лениздат», 1997

Кто-то открыл проход в какое-то жуткое измерение, откуда сквозит и лезут монстры. Снова старые знакомые – Вайд (ныне уже почти три или четыре года успешно пиратствующий на Западном океане, а до того три года просидевший в Лабиринте), прибывший для заделки дырки в Сферах Между Мирами, Тао-Тень и Лабиринт. А виноват во всем, естественно, злобный Тот-Амон. Много шума, ковырялок, беготни, политических и психологических заморочек, а также более чем загадочная личность, вполне могущая оказаться сыночком Вечного Героя от какой-то из многочисленных подружек молодости. И невольное путешествие в измерение Сета со змееногими. Забава: встретились лично с Сетом (!) и ничего...

© Локнит О., 1997

© Лениздат, 1997

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	21
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	29
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Олаф Бьорн Локнит

Пожиратели плоти

ПРОЛОГ

На измученный зноем прибрежный город опустилась благословенная ночь. Легкий ветерок шевелил запыленные листья чахлах пальм, играл вымпелами на стоящих в гавани кораблях и вздувал кисейные занавеси в окне одного из богатых домов, возвышающегося совсем рядом с дворцом правителя.

Если бы плывущая над городом томная луна интересовалась людскими делами, то, заглянув в это окно и увидев двух мирно беседующих за чашей вина мужчин, она разочарованно продолжила бы свой путь. Где неискушенному в земных интригах небесному светилу понять, как порой обычный разговор может изменить судьбы империй...

Один из собеседников, хозяин дома, кутающийся в шелковый домашний халат, привезенный, должно быть, из самого Кхитая и стоивший уйму денег, нервно барабанил униженными перстнями пальцев по крышке мраморного столика. Второй мужчина, удобно откинувшийся на спинку мягкого кресла, смаковал отличное аргосское вино. Его скромный потертый плащ был небрежно переброшен через плечо золотой статуи, изображающей обнаженную девушку с букетом причудливого вида цветов. Статую подарил хозяину посланник из Вендии, утверждавший, что купил ее у жрецов подземного святилища, исповедующих древний запретный культ. Но гостя это обстоятельство, по-видимому, нисколько не смущало. Он отхлебнул еще вина и взглянул на собеседника.

– Многого ты добился в жизни, как я погляжу, – сказал гость, и насмешка в его голосе не соответствовала смыслу слов. – Большой дом, богатая обстановка, хорошие вина... А скольких красавиц собрал ты в своем серале?

Хозяин нервно сглотнул и ничего не ответил.

– Не бойся, на твоих наложниц я не претендую, – примиряюще поднял руку посетитель. – Я лишь хочу напомнить, кому ты обязан всем этим. Или ты вспомнишь сам?

– Я ни о чем не забыл, – с торопливым подобострастием ответил человек в халате. – Все эти годы я ждал, когда ты придешь...

– Не надо быть магом, чтобы понять, что ты лжешь, – холодно проговорил гость, отстраненно любясь игрой крупных граненых изумрудов на боках чаши. – Ты спал и видел, как жрецы Стигии добираются до меня... Впрочем, теперь они мне не страшны. Я вновь обрел мое могущество, и у меня большие планы. И я решил, что настало время потребовать с тебя долг...

– Я готов, мой господин, – без особого энтузиазма сказал хозяин и продолжил с надеждой: – Если тебе нужно золото...

Гость расхохотался.

– Глупец, я могу иметь столько золота, что ты утонешь в нем, как крыса в выгребной яме! Клянусь Сетом, так просто ты не отделаешься!

На полном лице хозяина отразилось неподдельное отчаяние. Видимо, он проклинал тот день своей жизни, когда встретился с сидящим напротив человеком.

– Приказывай, мой господин. Я сделаю все, что в моих силах, – униженно прошептал он.

– Сил у тебя достаточно. Много лет назад я позаботился об этом, – усмехнулся посетитель. – Тебе придется оставить свой гостеприимный дом и твоих жен – пусть поплачут, женщинам это на пользу. Тебе предстоит путь в одну из западных стран, где ты поможешь мне в выполнении моих замыслов...

Беседа продолжалась далеко за полночь, и когда гость, наконец, удалился, хозяин долго и нервно пил вино, словно не замечая его вкуса. Затем он позвал чернокожего раба, который принес ему свиток папируса, кисточку и чернила. Хозяин вздохнул, поплотнее закутался в свой халат, и твердо вывел на листе: «ЗАВЕЩАНИЕ».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ГРОЗА НАД АКВИЛОНИЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

– Во имя Митры, где же, наконец, Его Величество?

Такой вопрос мог возникнуть только в Аквилонии, и то при условии, что ею правит варвар. В других цивилизованных странах придворные обычно знают, где находится их монарх. Здесь же служащему канцелярии, в обязанности которого входило докладывать королю об испрашивающих официальной аудиенции, приходилось исходить не одну лигу по дворцовым коридорам, прежде чем он сталкивался с правителем империи. Поэтому Люций, уже порядком уставший, решил зайти в караулку к офицерам стражи и точно выяснить местонахождение Его Величества.

Лишь год минул со времени сокрушающего разгрома аквилонской армии объединенным войском короля Офира Амальрика и правителя Кофа Страбонуса. Пока считавшийся погибшим король Конан пытался выбраться из Алой Цитадели, обиталища колдуна Тсота-Ланти, в Тарантии власть захватил принц Арпелло, изгнавший из города наместника короля графа Троцера. Арпелло, как всякий временщик, думал лишь о собственной выгоде, и утопил столицу в крови и беззакониях. В то время как армии Офира и Кофа осаждали брошенный на произвол судьбы Шамар, новоявленный правитель громил гарем своего предшественника. В бессильном гневе жители столицы окружили дворец, на одной из башен которого принц Пеллийский презрительным смехом встречал их требования защитить страну от врагов и прекратить погромы в городе. Неожиданное появление Конана решило судьбу как Арпелло, так и Аквилонии. Принц был убит, народ растерзал его вассалов, а Конан с отрядом Троцера наголову разбил Страбонуса и Амальрика под стенами Шамара и вновь занял свой потерянный было престол.

С тех пор в Аквилонии царили мир и спокойствие, изредка нарушаемые незначительными вылазками пиктов на западных границах. Огромного выкупа, заплаченного наследниками королей Кофа и Офира, хватило на то, чтобы отстроить новые прекрасные здания взамен разрушенных, укрепить армию и границы, и еще осталось на закупку большой партии знаменитых зингарских вин для празднования двухлетия правления Конана Аквилонского. Остатки именно этого вина и допивали офицеры, коротавшие в караулке время между дежурствами.

Один из них, маленький и кривоногий, с воодушевлением рассказывал какую-то историю, соорудив на столе из хлебного мякиша и глиняных кружек подобие крепости. Остальные с равнодушным видом потягивали вино, не проявляя должного интереса к повествованию.

– ... они идут, а мы стоим вот здесь, – офицер для пущей убедительности потыкал кинжалом в горку мякиша. – Это были демоны, а не пикты, клянусь Митрой! И впереди – сам Зогар Саг! Весь черный, ростом... – офицер завертел головой и торжествующе указал на дерево, видневшееся через окно, – ... вон с тот тополь! Я, значит, поднимаю лук...

– Может, Чепозус, ты его и поднимешь, а как насчет натянуть? – осведомился один из слушателей.

– А ты, Терцион, заткнись! Ты на границе не был, только на парадах меч и вынимаешь из ножен! – огрызнулся рассказчик и продолжил: – Поднимаю я лук и – р-раз! – стрелу в Зогара! Попал прямо в горло!

– Ну, если он ростом с то дерево, в твоём попадании нет ничего удивительного, – снова встрял неугомонный Терцион. Другие офицеры засмеялись. Чепозус с царственным величием проигнорировал недостойный выпад товарища.

– Тут в пиктов словно Сет вселился – начали вопить и кидаться друг на друга. Мы их тогда и добились. Ни один не ушел! А после боя подошел ко мне наш король – тогда он был простым разведчиком, но я-то видел, что этот человек далеко пойдет! – и, пожав мне руку, подарил свой кинжал, сказав, что ...

– Когда ты рассказывал эту историю позавчера, он подарил тебе меч, – под общий хохот напомнил один из офицеров.

– Ну, может, и меч, – раздраженно буркнул Чепозус, сгреб со стола мякиш и обратился к незаметно вошедшему Люцию: – Эти недоноски только ржать умеют. Посмотрел бы я на них при защите Велитриума!

Люций с пониманием покачал головой и обратился к сидевшим за столом с вопросом, не знает ли кто-нибудь, где находится король Конан. Ему ответили, что в караулке правителю делать совершенно нечего, а в это время он обычно совещается с Королевским Советом в Северном зале.

Люций поспешил в Северный зал и натолкнулся на своего непосредственного начальника Публию, идущего в обратном направлении. Будучи канцлером, Публию принимал живейшее участие во всех делах государства, даже тех, которые его не касались. Поэтому он был крайне суетлив и непоседлив, многоречив и очень забывчив.

При восшествии на престол мятежного принца Арпелло Публию посмел усомниться в законности этого шага, за что был посажен в темницу, и лишь победное возвращение Конана спасло его от неминуемой казни.

Когда киммериец вытащил своего верного, отощавшего и порядком завшивевшего канцлера из Железной Башни, то умилился и наградил его поместьем казненного барона-изменника и мечом, на котором велел выгравировать надпись: «Верному рыцарю и защитнику Аквилонии». Правда, при выборе меча Конан не учел рост и физические возможности «верного рыцаря и защитника», а потому вновь испеченный национальный герой причинял своей наградой немало трудностей как себе, так и окружающим. Решившему носить этот меч во что бы то ни стало дородному и низкорослому Публию теперь приходилось при подъеме отдыхать на каждой площадке дворцовой лестницы, а его вежливые поклоны грозили стоявшим позади придворным серьезными увечьями.

Несмотря на попытки домашних отговорить главу дома от ношения опасного оружия, канцлер продолжал упорствовать – до того печального случая, когда во время приема он умудрился, неловко повернувшись, задеть и опрокинуть мечом кресло вместе с находившейся в нем престарелой госпожой Изарой, матушкой графа Троцero. Три дня Публию сидел дома в ожидании официального вызова от графа на поединок, и, когда этого не произошло (старая графиня отделалась легким испугом, и Троцero простил мученика за свободу Аквилонии), меч был торжественно водружен на стену над семейным ложем супругов. Остряки-придворные намекали, что эта реликвия висит там исключительно для устрашения некоторых близких друзей молодой канцлерши.

От Публию Люций узнал, что совет недавно закончился, и король вместе с Просперо удалился в свои покои для обсуждения особо важных дел. Люций вздохнул, проклял свою хлопотную должность, и направился вверх по дворцовой лестнице. Личные покои короля Конана охранялись с большим тщанием, особенно после организованного изменником Аскалантом покушения, когда киммериец остался жив лишь благодаря своей огромной силе и выносливости. Через первый круг стражи Люций пробился, но офицер следующего дозора, в третий раз выслушав убедительную речь служащего о важности его миссии, не менее убедительно посоветовал Люцию отправиться к стигийским демонам, которые наверняка отнесутся к его словам более внимательно.

Усталый Люций побрел обратно и оказался в одной из комнат внешних покоев. Не обратив внимания на каких-то сидящих у окна женщин, он тяжело плюхнулся на мягкую софу.

– Теперь я точно опоздаю к обеду, – мрачно произнес Люций и в сердцах призвал Митру покарать не в меру ретивых вояк. Услышав веселый девичий смех, он с досадой обернулся... и, торопливо вскочив, отвесил глубокий поклон, кляня себя за то, что не узнал Белезу, любимую наложницу Конана.

– Прости, госпожа, что был столь бесцеремонен и помешал тебе... – осторожно начал Люций и, видя, что Белеза не сердится, уже смелее продолжил: – Лишь важное сообщение для короля, которое я должен передать, дало мне право нарушить твоё уединение...

– Конан обещал зайти сюда, когда закончит свои дела с Просперо, – любезно ответила девушка. – Можешь остаться здесь и подождать.

Люций признательно наклонил голову и вновь уселся на софу, украдкой с любопытством поглядывая в сторону королевской возлюбленной. Девушки вернулись к прежнему занятию: две из них, по-видимому, служанки Белезы, вышивали, их госпожа с видимой скукой глядела в окно и кушала виноград.

Белезу при дворе обсуждали часто и с удовольствием, как ни одну другую наложницу Конана. А гарем у короля имелся обширный. Были там томные туранки с насурьмленными бровями и страстные черноволосые шемитки, темнокожие полногубые дочери юга и сероглазые крепкие бритунки, изящные уроженки Офира и маленькие смуглые вендийки. Девушек привозили в подарок иноземные купцы и посланники дружественных держав, выкупали у торговцев рабами послы Аквилонии, присылали в качестве выкупа побежденные страны. Но Конан никогда не брал женщин в гарем силой – они оставались с киммерийцем потому, что мало кто из дочерей Иштар мог устоять против варварской жизнелюбивой натуры короля, рядом с которым другие мужчины казались слабыми и заурядными. Даже утонченные аквилонки частенько предпочитали быть наложницами Конана, нежели законными женами хилых и немощных баронов.

Белеза находилась на особом положении. Она повсюду сопровождала короля и пользовалась известной свободой, как обычная аквилонская дворянка. Родом она была из Зингары, но Конан встретил ее во время скитаний по Пиктским пустошам, где она жила вместе с дядей, бароном из Кордавы. Выжить в тех местах могли только люди, сильные духом и телом, и Белеза совсем не походила на изнеженных южанок. Стройная, черноволосая, решительная и жизнелюбивая под стать самому Конану, девушка не могла не понравиться будущему королю. Война с пиктами разлучила их, но Конан обещал найти Белезу. И она не забыла варвара-северянина. Когда Конан захватил аквилонский престол, Белеза сама приехала в Тарантию, готовая бороться за свое счастье вопреки людской молве, и такая преданность тронула не слишком чувствительную натуру киммерийца. При дворе поговаривали, что со временем молодая зингарийка вполне может стать королевой Аквилонии.

Девушка разделалась уже с четвертой гроздью винограда, а Люций дважды пересчитал тяжелые кисти на бархатных портьерах, как дверь отворилась, и в комнату вошел сам король в сопровождении Просперо. Двигался правитель Аквилонии, несмотря на массивное тело, с полной внутренней силы грацией, свойственной диким животным. Казалось, он находится не в богатых покоях дворца, а в джунглях или скалистых горах, где отовсюду грозит опасность.

Все присутствующие, кроме Белезы, склонились в церемонном приветствии, но Конан подошел прямо к девушке и, нисколько не стесняясь чужих глаз, крепко поцеловал ее в губы.

– Мне так скучно, милый, – жалобно заговорила Белеза, прижимаясь к могучей груди киммерийца. – Может, оставишь свои дела, и поедем покататься верхом? Вчера, когда я заходила в конюшню проведать Льясу, твой Тугодум так грустно смотрел на меня...

Конан вздохнул и совсем не по-королевски почесал в затылке.

– А мне приходится грустно глядеть в эти проклятые бумаги, которые подсовывает мне Публио. Пожалуй, из всех перепробованных мной занятий быть королем – самое хлопотное дело, клянусь Кромом. А теперь этот самодовольный красавчик тащит меня посмотреть на

гвардейцев панцирной конницы, которых он обучил, – и киммериец хлопнул по плечу Просперо, слегка поморщившегося от такого проявления дружеских чувств. Белеза бросила ревнивый взгляд на королевского полководца и воскликнула в сердцах:

– Если бы я знала, что только так можно привлечь твоё внимание, я бы обучила своих служанок стрелять из лука и маршировать не хуже твоих солдат!

– Лучше привлекай мое внимание другим известным тебе способом, – добродушно заметил Конан. – Ну, не дуйся, девочка, иди займись чем-нибудь. Вечером я зайду к тебе.

Конан повернулся, собираясь выйти, и наткнулся на Люция, который решил, что настала пора выполнить свою обязанность.

– Во имя Митры, что этому настырному толстяку опять от меня понадобилось? – проворчал киммериец, безошибочно распознав в Люции подчиненного Публио.

– Ваше Величество, в Канцелярию поступило прошение от гостя из Шема, называющего себя магом и алхимиком Бен-Аззаратом, – Люций решил сразу перейти к сути дела, зная, как не любит король церемонных вступлений, считая их пустой болтовней. – Он просит аудиенции для рассмотрения его просьбы о вступлении на официальную должность придворного прорицателя и советника.

Конан хмыкнул.

– Много колдунов я повидал на своем веку, но чтоб кто из них мне в советники набивался – это впервые, – обратился он к Просперо. – Какой демон пригнал сюда этого шемита?

– Может, хочет нажиться при дворе? – пожал плечами полководец, заботливо расправляя складки синего щегольского плаща, ниспадающего поверх золоченого нагрудника. Никто другой при дворе не посмел бы вести себя так в присутствии короля, но принц Пуантена пользовался особым доверием и расположением киммерийца.

Конан покачал головой.

– Насколько я знаю эту породу, они всегда ищут власти, – пробормотал киммериец. – Только глупец может связаться с магом по своей воле. Да еще с каким-то приبلуднем из Шема.

– Я бы посоветовал тебе назначить аудиенцию, – сказал Просперо. – Приглядимся к этому Бен-Аззарату поближе. Хотя я не думаю, что один человек может быть опасен для нас. Аквилония сейчас сильнее, чем до мятежа, и наши враги знают об этом.

– Маг может натворить кучу дел там, где бессильны меч и копье. Вспомни Тсота-Ланти, – покачал головой король.

– Но ты же убил его в конце концов! – воскликнул пуантенец. – С каких пор ты стал кого-либо бояться, Конан? Пожалуй, Белеза права – тебе необходимо покинуть стены дворца хоть ненадолго, а то станешь робким и изнеженным, как столичные аристократы.

– Вот уж нет! – рыкнул киммериец, и Просперо расхохотался. Король повернулся к терпеливо ожидающему Люцию:

– Передай Публио – пусть назначает официальную аудиенцию этому гостю из Шема. Поглядим, что он за птица...

* * *

Обычно Конан с неохотой соглашался на официальный прием в Главном Тронном зале. Его раздражала необходимость сидеть на троне в присутствии толпы разряженных праздных придворных и выслушивать ничтожные просьбы провинциальных дворянчиков и однообразные славословия послов, прячущих за лстивой улыбкой темные замыслы. Король предпочитал давать аудиенции в надежно защищенной от подслушивания комнате в глубине дворца и в присутствии людей, которым он доверял – хотя бы до определенных пределов. Но сейчас,

не в силах избавиться от застарелого недоверия к магам, Конан решил, что безопаснее будет принять Бен-Аззарата при большом скоплении народа.

Главный Тронный зал был создан строителем дворца с единственной целью – показать ничтожность посетителей перед лицом правителя Аквилонии. Высотой около двадцати локтей, зал выглядел подавляюще огромным благодаря двум рядам стройных колонн из блестящего карпашского базальта, уходящих, казалось, в бесконечность. Узкие стрельчатые окна, расположенные под потолком, пропускали солнечные лучи, прорезающие воздух зала подобно золотым копьям. Выложенный красными и белыми мраморными плитами пол был выщерблен многими поколениями придворных, стремящихся сложить свою верность к подножию трона.

Трон аквилонских королей, вырубленный из цельного куска яшмы, твердо опирался львиными лапами на мраморное возвышение из трех ступеней. Отлитая из бронзы оскаленная голова льва венчала собой спинку трона, казалось, защищая сидящего правителя. На стене за троном красовался герб Аквилонии, выложенный золотом и топазами – лев, вставший на задние лапы.

В полдень тяжелые двери Главного Тронного зала распахнулись, и туда хлынула толпа придворных. Мужчины в пестрых нарядах из шелка и бархата несли на себе не меньше драгоценностей, чем любимая наложница султанапурского эмира. Их церемониальные мечи, являвшиеся в некотором роде произведениями искусства, в битве создали бы своим владельцам немало трудностей благодаря вделанным в рукоятку драгоценным камням, вычурно изогнутым крестовинам и свисающим чуть ли не до земли темлякам с кистями. Женщины, напротив, были одеты преимущественно в темное (эту моду ввела недавно благородная госпожа Эриона, вернувшись из путешествия по Хорайе), зато их лица, выглядывающие из складок тончайших тканей, являли собой выставку разнообразнейших красок, изготавливаемых из редких веществ, добытых в далеких заморских странах и провезенных смелыми купцами через все опасности на радость прекрасному полу. Воздух зала был напоен экзотическими ароматами, вызывавшими у непривычного человека сильное желание чихнуть. В общем, любому гостю, попавшему сюда, сразу становилось ясно – Аквилонская империя процветает.

Придворные еще не успели обменяться последними новостями, а распорядитель, внушительно ударив об пол золотым посохом, уже объявлял: «Его Величество Король Конан Аквилонский!» Двери торопливо открылись, и в зал стремительной походкой вошел правитель империи.

Среди этой разряженной и благоухающей толпы король выделялся, как кряжистый дуб в яблонево́й роще. Он был на голову выше любого мужчины в этом зале, и ни одна наложница его гареме не могла сосчитать всех шрамов на его теле. Сшитая по вычурной аквилонской моде одежда не способна была скрыть его могучие мышцы, а королевский меч, казалось, обычному человеку удастся поднять с трудом. Его называли «варвар» – с презрением или невольным уважением – и он остался варваром даже на королевском престоле. Но именно это позволило Конану завоевать корону и удерживать ее вопреки всему вот уже два года.

Конан уселся на трон, который до него отполировали поколения высокорожденных аквилонских королей, и пронзительные голубые глаза киммерийца обожали его подданных.

– Клянусь Кромом, – пробурчал Конан, – скоро я перестану здесь отличать мужчин от женщин. Совсем распустились...

Стоявший как обычно по правую руку принц Пуантенский не преминул заметить:

– Пока мужчины носят оружие, надеюсь, ты не ошибешься.

– Смогут ли они при необходимости пустить его в дело – вот что меня беспокоит, – отозвался киммериец.

Распорядитель вновь привлек общее внимание, объявив:

– Почтенный Бен-Аззарат из Ше́ма, алхимик и маг – с прошением к Королю Конану Аквилонскому!

Двери тихо открылись, пропустив в Тронный зал невысокого полного мужчину средних лет, облаченного в длинные светлые одежды, как принято в Шеме. Он ничем не отличался бы от респектабельного отца семейства, если б не цепкий взгляд черных глаз и не голубой шар из дымчатого стекла, который маг бережно держал на ладони.

Посетитель поклонился и громко начал:

– Приветствую тебя, могучий король Конан, под чьей рукой слава Аквилонии засияла еще ослепительней! Немало дней добирался я до твоей столицы, и все это время я мог слышать, как люди превозносят твою мудрость и силу. Но дела твои говорят громче людской молвы. Окрестные страны склонили головы перед величием твоей империи... – Бен-Аззарат сделал паузу, чтобы отдышаться. Конан едва заметно поморщился и махнул рукой – дескать, хватит, переходи к делу.

– Прослышал я, что у столь славного властителя при дворе нет никого, кто бы с помощью алхимии, магии и подобных наук укреплял мощь государства и твою, о король. Сейчас многие правители имеют на службе ведающих тайные силы, ибо нередко их помощь и совет спасают жизнь государя и его страну. И я рискнул отправиться в путешествие, чтобы предложить славному королю Конану свои услуги в качестве придворного мага и прорицателя. Я заручился верительными грамотами у правителя города Асгалуна и надеюсь, что моя просьба будет рассмотрена благосклонно... – Бен-Аззарат достал из складок одежды свиток и с поклоном передал его подошедшему пажу. Конан, не проявивший интереса к свитку, тяжелым взглядом уперся в мага.

– Что же ты можешь, почтенный Бен-Аззарат? – наконец спросил король.

Маг не обиделся на столь откровенный вопрос.

– Я, о мудрый король Конан, всю жизнь посвятил проникновению в тайны незримого мира, который, как покрывало, окутывает нашу обыденную действительность. Я могу говорить с душами умерших, могу излечить болезнь, наведенную твоими врагами с помощью злых чар...

«И навести ее на меня самому,» – пробормотал Конан.

– ... могу проникнуть в думы любого человека и открыть тебе, кто верен королю, а кто улучает момент, чтобы предать...

«И заморочить мне голову,» – вновь буркнул Конан.

– ...могу показать тебе будущее, чтобы ты знал, где таится истинная опасность...

«И обмануть меня,» – подумал Конан и прервал Бен-Аззарата, постаравшись, впрочем, чтобы голос его звучал учтиво:

– Ты действительно великий колдун, почтенный Бен-Аззарат. Думаю, любой правитель с радостью примет твои услуги. Мы же пока не нуждаемся в них. В Тарантии достаточно жрецов Митры, которые не зря едят свой хлеб.

Маг едва заметно нахмурился, и это не укрылось от проницательных глаз киммерийца.

– Позволь, король Конан, продемонстрировать тебе мое искусство. Быть может, тогда ты изменишь свое решение... – и, не дожидаясь ответа, Бен-Аззарат обхватил шар обеими ладонями и вытянул руки перед собой. Никаких заклинаний маг не произнес, но шар вдруг брызнул изнутри ослепительным светом. По стенам и потолку заскользили лучи, снопом бьющие, казалось, прямо из ладоней Бен-Аззарата. Сейчас он не был похож на заурядного горожанина – облитая сиянием фигура мага казалась величественной и зловещей одновременно. По рядам придворных пронесся изумленный шумок и тут же стих, когда лучи, прекратив свое бешеное вращение, сфокусировались перед тронном, и там, прямо в воздухе, начали возникать какие-то фигуры, словно сотканые из мельчайших пылинок и столь же неуловимые. Сначала это были просто тени, но их очертания становились все отчетливей...

Толпа загудела – все узнали в одной из теней своего нынешнего короля. Рядом с ним были Паллантид и Просперо, оба с обнаженными мечами – они явно от кого-то отбивались. Лиц нападавших разобрать не удавалось, но, судя по одежде, это не были чужестранцы. При-

зрачный Конан обернулся, что-то беззвучно крикнул – и тут его лицо исказила гримаса боли и он неловко схватился рукой за стрелу, пробившую его грудь. Среди придворных раздался отчетливый женский вскрик – и лучи внезапно исчезли, стерев видение, словно его и не было. Шар в руках Бен-Аззарата потух, а фигура мага съежилась и поблекла. Придворные взволнованно зашумели, обсуждая увиденное, и лишь Конан оставался внешне спокоен.

– Я показал тебе, король, что может случиться в недалеком будущем, – голос Бен-Аззарата прорезал гул, стоящий в зале. – Но нити времени сплетаются прихотливо, и в нашей власти изменить то, что до конца не определено даже богами... Могут ли твои жрецы справиться с такой задачей?

– Ваше Величество, – наклонился к королю слегка обеспокоенный Просперо, – мне думается, этот маг будет нам полезен. Опасность заговора – серьезная вещь.

Конан с досадой отмахнулся.

– Знаю я их штучки, – сказал он. – Колдун совет – недорого возьмет. Весь мой опыт говорит – не доверяй тем, кто знает с демонами и темными силами. А со своими заговорщиками мы и без колдовства справимся, клянусь Кромом.

К трону торопливо приблизился изрядно побледневший Публио.

– Мой государь, – нервно зашептал он, оглядываясь по сторонам, точно ожидая немедленного нападения, – прикажи схватить этого фокусника и отправь его в Железную Башню немедленно! Я уверен – он подкуплен заговорщиками, и изобразил твою смерть с целью отвести наши подозрения от настоящих врагов, которые сидят сейчас на берегах Алиманы, ожидая известий...

На лице Просперо заходили желваки.

– Клянусь Митрой, Конан, лучше посади в Железную Башню этого трусившего толстяка, не видящего дальше собственного носа! Каждый пуантенец умрет за короля Аквилонии, ручаюсь головой! Так что оставь свои намеки, канцлер, иначе ты можешь дорого заплатить за них!..

– Развоевался ты не ко времени, Просперо, – заметил Конан и обратился к Публио: – Насчет Железной Башни – это ты поторопился. Займись-ка лучше делами своей канцелярии, а мы тут сами справимся.

Киммериец снова взглянул на мага, стоявшего посреди зала.

– Мы убедились, что твоя сила велика. Но я не меняю принятых решений. Незачем мешать магию в дела простых смертных.

Внешне Бен-Аззарат ничем не показал, сильно ли его разочаровал отказ. Он поклонился и спросил:

– Позволено ли мне будет остаться пока в Тарантии, ибо я проделал слишком долгое путешествие для человека моих лет и чувствую большую усталость?

Конан милостиво кивнул, и маг удалился, бережно прикрывая дымчатый шар полый своего одеяния.

– И все равно – не люблю я колдунов, – пробормотал Конан, ни к кому не обращаясь. – Все беды нашего мира – от чернокнижников и дураков, что им верят, клянусь Кромом!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В самом сердце Аквилонии, на отмелях реки Хорот, окруженная высокими стенами, вольно расположилась жемчужина западных стран – Тарантия, хранительница короны великой империи. Она не обладала изящной вычурностью городов Турана, кипучим многолюдьем торговой Мессантии, экзотичностью Хоршемиша или суровым величием Кордавы – но чувствовалась в ней какая-то особенная дерзкая жизнестойкость, позволяющая ей с насмешливой снисходительностью взирать на более древние города, уже растерявшие в прошедших веках свой задор.

Сколько пожаров, эпидемий, восстаний и захватов власти пережила Тарантия, не единожды разрушались ее дворцы, храмы и акведуки – но вновь возрождался неукротимый город, наполнялись людским потоком его улицы и площади, вновь тянулись туда караваны купцов, приезжали искать счастья ремесленники и наемники, прибывали для учебы в Университете молодые люди со всех концов света, шли паломники – посетить храмы Митры, стекались аристократы всех мастей в расчете на славу и положение при дворе. Сейчас столица, оправившись от волнений, связанных с недолгим правлением принца Арпелло, вновь расцвела, и горожане с головой ушли в свои будничные радости и заботы, как всегда не задумываясь о том, насколько ненадежно спокойствие в этом изменчивом мире.

Меньше всего склонны были задумываться о будущем обитатели Тарантийского Университета – предмета гордости и головной боли властей столицы. И сейчас, несмотря на поздний вечер, когда почтенные горожане уже пристраивают на голову ночной колпак, в небольшом кабачке, что близ Университета, веселье было в полном разгаре. Кабачок назывался «Белый Конь», что подтверждала вывеска с намалеванной на ней бледной головой некоего мифического зверя, но студенты, бывшие основными его посетителями, называли его просто «Конюшня» – и это название, надо признать, подходило кабачку гораздо больше. Он состоял из одного обширного зала, где на полу, засыпанном начавшей подгнивать соломой, громоздились деревянные столы и скамейки, которые даже вселенский потоп не отмыл бы от вьезшихся в них жира и копоты. Попытки нескольких масляных фонарей разогнать полумрак, перемешанный с плывущим из кухни дымом, были просто жалки. За стойкой уныло восседал сам хозяин «Белого Коня», проклиная, казалось, себя, свое заведение, своих посетителей и остальной мир в целом. Впрочем, в кредит он отпускал охотно, что снискало ему большую популярность среди местной молодежи.

Но вечные грязь, вонь и духота, царившие в кабачке, не мешали компании неприметных любителей наук наслаждаться жизнью, молодостью и дурным, зато дешевым вином. Повод для сегодняшнего празднества уже был прочно забыт всеми присутствующими. Кажется, провожали домой в Аргос молодого Джицци. По крайней мере, платил именно он.

Украшали развеселую компанию несколько пестро одетых женщин, согласных за бесценок дарить свою любовь вкуче с известными болезнями. Одна из них, блондинка с устрашающе накрашенными губами, слезла с колен худого смуглого зингарца и, слегка пошатываясь, исчезла за дверью, ведущей на задний двор. Ее кавалер понимающе кивнул и присоединился к нестройному, однако на редкость единодушному хору, затянувшему одну из незамысловатых студенческих песенок:

Крестьянин пашет, плотник стучит
По длинной доске молотком.
А мне такая жизнь претит —
С работой я не знаком.

Солдат воюет, кузнец кует
Подковы и лемеха.
Студент редко ест, зато часто пьет...

Истошный женский вопль, раздавшийся со двора, мгновенно обрубил песню. Мужчины, толкаясь и роняя скамьи, бросились к двери, женщины замерли в растерянности. Внезапно на душераздирающей ноте крик оборвался, перейдя в хрип и бульканье. В крошечной темноте дворика в общей давке ничего нельзя было понять. Раздались ругательства и требования принести факелы. Одна из женщин, менее напуганная, чем ее подруги, вынесла из кабачка фонарь с заляпанными жиром стеклами.

В его неверном свете трезвеющая на глазах компания увидела распростертую на земле блондинку. Ее голова была запрокинута, в глазах остывал смертельный ужас. Светлые волосы, которые недавно перебирал ее возлюбленный, теперь плавали в луже быстро растекавшейся крови. К горлу женщины припало какое-то существо размером с крупную собаку. Лишенные шерсти блестящие бока размеренно вздымались и опадали, острые уши были плотно прижаты к вытянутому черепу. Повисшую над этой сценой тишину разбил истерический визг одной из девиц, выведший всех из оцепенения. Зингарец первым выхватил кинжал и двинулся вперед. Животное повернуло к людям окровавленную морду, и из его горла вырвалось нечто похожее на клекот. Оно явно не было испугано, чего нельзя было сказать о нападавших.

– Это демон, клянусь Митрой! – крикнул кто-то из студентов, вмиг растерявший свою ученость.

Зингарец уже занес свой кинжал, но тут существо молниеносно развернулось и прыгнуло на человека. Коротко вскрикнув, зингарец упал, выроненный им кинжал блеснул при свете фонаря. Тварь вцепилась в юношу мощными лапами, стараясь добраться до горла. Началась общая суеда, женщины визжали, стараясь протолкаться обратно в кабачок, мужчины что-то кричали о демонах и метались в неумелых попытках помочь товарищу.

Один из студентов в суматохе подобрался к нечисти сзади и ударил ее захваченным в кабачке ножом для разделки мяса. Тварь обернулась, раздирая пасть в хриплом крике, и, оставив зингарца с разорванной грудью, ринулась на нового противника. Брошенное чьей-то меткой рукой полено сбило демона на землю, но тут существо развернуло большие кожистые крылья, дотоле плотно прижатые к телу, и, взвившись в воздух, камнем упало на растерявшегося человека. В полнейшей неразберихе кто-то опрокинул фонарь, и язычки пламени зловеще заплясали на деревянных стенах «Белого Коня», все ярче освещая картину побоища.

Людей, зажатых в глухом тесном дворике между пожаром и обезумевшей от огня и крови тварью, охватила паника. Выбраться отсюда можно было лишь через дверь кабачка, но ее кто-то, видимо, хозяин, закрыл изнутри.

Никто уже не думал о том, чтобы добить демона, каждый помышлял лишь о собственном спасении, не обращая внимания на крики о помощи очередной жертвы взбесившегося ночного кошмара. Пока одни выбивали дверь, а другие, отталкивая друг друга, пытались преодолеть высокий глиняный забор, отгораживающий этот дворик от соседнего, пламя охватило весь кабачок. На улице испуганно завывали те девицы, кому удалось спастись, в отчаянии заламывал руки хозяин заведения, глядя на гибнущее добро, бестолково суетились ничего не понимающие жители квартала, самые сообразительные тащили ведра и топоры, пытаясь не допустить распространения огня на соседние дома.

Внезапно прогоревшие балки угрожающе затрещали, и пылающие стены «Белого Коня» рухнули, накрыв собой и запертых во дворике людей, и демона вместе с его жертвами. Пронзительный нечеловеческий вопль разнесся над пожарищем, смешавшись с криками гибнущих в огне – и все смолкло. Убывающее пламя выстреливало в темное небо снопы искр, пузырилась краска на обгоревшей вывеске, мягко падал на землю белесый пепел. Когда наступающее утро

окрасит небосвод в розовый цвет, лишь черное пожарище напомнит людям о случившемся. Но разве не входит в число достоинств рода человеческого способность забывать?

* * *

Молодая Альтея, жена почтенного купца Симплия, владельца лавки тканей и пряжи, вернулась с базара чрезвычайно взволнованная. Ее возбужденный голос донесся до Симплия, пересчитывающего дневную выручку в комнатке над лавкой, едва она переступила порог дома. Впрочем, юная супруга купца почти всегда была чем-то взволнована. Симплий, женатый на ней уже полгода, никак не мог привыкнуть к бойкому и впечатлительному нраву своей половинки. Его прежняя жена, умершая два года назад, за всю их совместную жизнь не произнесла столько слов, сколько новобрачная за первые два дня медового месяца. Даже старшая дочь купца Лаис, будучи на год моложе Альтеи, выглядела солидней своей мачехи.

По лестнице простучали быстрые шаги, дверь распахнулась – и жена вприпрыжку в комнату, спеша поделиться накопленными новостями.

– Ты все считаешь, дорогой? Нельзя же так много заниматься делами! – зашебетала Альтея, бесцеремонно усаживаясь мужу на колени и разметаив широким рукавом долговые расписки, аккуратно разложенные на столе. – У тебя, наверно, уже болит голова... – она начала энергично тереть Симплию виски. – Я заходила сегодня в лавку Тодрика, ему привезли такое замечательное ожерелье из Хаурана! Он согласен продать нам подешевле... – Альтея перестала терзать виски купца и стала заплетать в косичку его седеющую бороду. – Знаешь, Дисма с Кривой улицы разрешилась от бремени мальчиком – а у того родимое пятно на правом плече! Позвали жреца, он сказал, что младенца надо отдать в храм, иначе Сет может завладеть его душой... Я бы не отдала ни за что! – неугомонная супруга затеребила золотую цепочку на шее Симплия. – А мы с Лаис были на базаре, там рассказывали, что прошлой ночью в городе был жуткий пожар, сгорел целый квартал, и еще там был демон, который загрыз уйму людей, а пожар устроили нарочно, чтобы демон сгорел в огне, потому что убить его нельзя...

– Рыбка моя, может, ты похлопочешь об ужине? – наконец удалось вставить слово главе дома.

Альтея обиженно наморщилась.

– Тебе не интересно, где я была и что делала? Зачем же ты на мне женился – чтоб я ужин тебе готовила?

Эту опасную тему следовало прервать тотчас же.

– Ты же знаешь, моя птичка, как я тебя люблю. Но мне нужно закончить дела, чтобы я мог отложить тебе на ожерелье.

Морщинки на лице жены тут же разгладились.

– Конечно, дорогой, ужин скоро будет, – послушно сказала она и исчезла за дверью.

За ужином вновь заговорили о базарных сплетнях. Обстоятельная Лаис рассказала, что в одном из кабачков близ Университета случилась драка, закончившаяся резней и пожаром, но кое-кто клянется, что видел там жуткого демона, которого не берет сталь и который пьет людскую кровь.

– Чтоб Сет побрал этот Университет! – раздраженно заметил Симплий. – Съезжаются со всего света толпы бездельников – якобы учиться, а на самом деле пьют и развратничают! Все неурядицы в Тарантии – от студентов. Если городские власти не могут навести там порядок, то пусть этим займутся демоны, я возражать не буду.

Перед сном Симплий, как всегда, обошел дом, проверяя запоры на дверях и окнах первого этажа. Дремавший в своем закутке телохранитель купца Кшети привстал и в который раз продемонстрировал хозяину свои белоснежные зубы.

– Все спокойно? – на всякий случай осведомился Симплий.

– Да, господин, – ответил Кшети, прижав могучие руки к груди. Этого великана-негра Симплий выкупил на невольничьем базаре в Шеме за баснословную сумму, но ни разу не пожалел об этом. Высокий и сильный как носорог чернокожий кушинец не раз спасал имущество, а порой и жизнь купца. Кшети был бесстрашен, предан и глуп, что делало его отменным слугой.

Поднимаясь к себе в спальню по узкой полутемной лесенке, Симплий уловил доносившиеся снаружи шорох и сопение. Выглянув в окно, купец увидел человека, с видимым усилием забирающегося по плющу в открытое окно спальни его дочери. Глава дома довольно усмехнулся себе в бороду.

– Ничего, молодой человек, – с отеческой лаской пробормотал купец, – поиграй еще немного в соблазнение дочери глупого торговца. Скоро тебя здесь встретят не нежные объятия Лаис, а ее родитель вместе с писцом, и тогда ничто не помешает мне стать законным тестем младшего сына барона Тальпеуса. Внуки Симплия далеко пойдут, дайте срок...

В постели купец долго ворочался, втайне завидуя молодой жене, быстро засыпавшей и легко просыпавшейся. Да, годы уже берут свое... Симплий, казалось, только задремал – как был вырван из сна истошным криком, раздавшимся со стороны комнаты его дочери.

«Воры!» – купец поднялся на непослушных ногах и схватил саблю, всегда лежавшую рядом с кроватью. Полная опасностей жизнь торговца научила его смелости и решительности. Жена судорожно комкала одеяло, глядя на мужа округлившимися от страха глазами. А крик – кричала Лаис, в этом не было сомнения – все не смолкал. Симплий выбежал из спальни, торопливо спустился на второй этаж – и столкнулся с полуголой дочерью, на побелевшем лице которой двумя омутами ужаса выделялись черные глаза.

– Там... там... – заикаясь, начала она, дрожа и тыча пальцем в сторону своей спальни, – демон... Влетел в окно, а Милент... Он его... О, Милент!.. – Лаис опустилась на пол и отчаянно зарыдала. Только сейчас купец заметил, что легкое полупрозрачное одеяние его дочери густо забрызгано чем-то красным. Купец крепче ухватил саблю и направился к комнате девушки.

– Отец, не ходи! – истерически закричала Лаис, но Симплий резко распахнул дверь – и отпрянул с невольным криком. На залитом кровью полу хрипел в агонии обнаженный юноша, его предполагаемый зять, его правая рука и грудь представляли собой месиво из кожи, мяса и костей. Рядом восседало нечто похожее на огромную черную птицу, но купец в ужасе понял, что вместо клюва у существа имеется пасть, полная острых зубов. Заметив новую жертву, тварь перестала терзать мощными когтями тело умирающего и, развернув кожистые крылья, с клекотом бросилась на Симплия.

– Кшети! – заорал купец, пытаясь увернуться и выставить вперед саблю. Существу было трудно маневрировать в тесноте комнаты, и оно промахнулось мимо горла купца, задев лишь его руку и разорвав ее до кости. Симплий извернулся и рубанул демона по крылу. Тот хрипло закричал и захлопал здоровым крылом, с полочек посыпались стеклянные безделушки и благовония Лаис, в воздух взвились клубы рисовой пудры. Демон вновь кинулся на Симплия, и уже начинающий слабеть от потери крови купец упал, в отчаянии пытаясь прикрыться подушкой от устрашающих когтей твари. В лицо Симплия дохнуло смрадом из пасти существа – но тут он увидел Кшети, бестрепетно заносящего над демоном свой боевой топор. Почувствовав присутствие еще одного человека, тварь обернулась – но топор, со свистом рассекая воздух, уже обрушился на ее спину. Существо дико завизжало и изогнулось, его крылья заскребли по полу. Кшети едва успел вытащить хозяина из-под умирающего демона, чтобы тот в агонии не разорвал его своими огромными когтями.

– Где ты был раньше, черномазый бездельник? – с трудом спросил Симплий своего спасителя. – Я чуть не погиб!

– Так я на двор... По нужде... – смущенно забасил гигант. Казалось, схватка с неведомым зверем ничуть не взволновала его.

Подбежала рыдающая Лаис и упала на колени рядом с полулежащим отцом.

– Хвала Митре, ты жив! Я так боялась, так боялась... – запричитала девушка, цепляясь за окровавленные полы халата Симплия. В проеме двери показалось бледное лицо Альтеи.

– Великие боги, что тут происходит? Дорогой, ты ранен? – она направилась было к мужу, но при виде окровавленного трупа и издыхающей рядом твари дико завизжала и выскочила из комнаты.

– Дура... – пробормотал купец и обратился к дочери: – Не реви, не время. Перевяжи мне рану, успокой Альтею и пошли ее немедленно за лекарем. Проклятое чудовище едва не оторвало мне руку... – Симплий устало закрыл глаза и откинул голову. Лаис порывисто вскочила, но отец удержал ее.

– Подожди... Твой Милент...

Лицо Лаис судорожно искривилось, из глаз вновь полились слезы.

– Скажи Кшети – пусть позовет стражу... – голос Симплия звучал все слабее. – Они должны увидеть демона. Будут свидетелями... Старому барону не удастся свалить смерть сына на нас... Не судьба тебе, дочка, стать дворянкой... – и, теряя сознание, чудом избежавший смерти купец еще успел пожалеть о своих несбывшихся честолюбивых планах.

* * *

Деревня Верхняя Сунила, расположенная на берегу Хорота аккурат на полпути между Тарантией и лесом Руазель, была небольшой, но аккуратной и зажиточной, в отличие от грязной и беспорядочно застроенной Нижней Сунилы, отделенной от Верхней широкой лентой реки. Столичные аристократы, проезжающие через деревню по пути на охоту в Руазель, с удовольствием оглядывали чистенькие домики, ухоженные поля, приветливо кивали головой розовощеким веселым крестьянкам и мечтали переехать в деревню подальше от городских пороков, грязи и интриг. А сунильцы почтительно угощали дворян домашним элем и теплым хлебом, подавали их бледным женам парное молоко и, получая заслуженную плату за гостеприимство, радовались, что деревня находится в таком выгодном для их благосостояния месте, а королевская казна не догадалась еще ввести налог на доходы от знатных постояльцев.

Обо всем этом думал староста Верхней Сунилы Валч, сидя на ступеньках крыльца своего дома и глядя на густо усыпанное звездами небо. Нарботавшиеся за день жители деревни давно спали, а Валча мучил застарелый ревматизм, и даже связанная женой фуфайка из собачьей шерсти сегодня что-то мало помогала. Староста поерзал на жестких ступенях и подставил лицо теплomu ночному ветерку. Вокруг стояла удивительная тишина, лишь где-то на краю деревни уныло брехала шавка, да из дома доносился густой храп старшего сына Валча.

«Солнечное в этом году лето, – размышлял староста. – Яблоки, должно быть, уродятся большие да сладкие... Снимем урожай – pošлю Кувена с женой в столицу на базар. А Марне скажу – пусть напрядет полотна, девки pošьют рубашки – тоже продадим. Звездочка, кажись, скоро отелится – обменяю теленка у Дьяги на пятерых поросят. Откормим – будет господам дворянам к зимней охоте поросенок в яблоках...»

Неожиданно сладкие мечты Валча о повышении благосостояния семьи прервал какой-то шум. Валчу, видевшему в молодости осаду города, показалось, будто кто-то тараном бьет по деревянным воротам. Тут же залились бешеным лаем деревенские собаки. Староста, кряхтя,

поднялся на ноги и встревожено завертел головой, выглядывая нарушителя ночного спокойствия. И он его увидел.

В конце единственной сунильской улицы, около дома деревенского кузнеца, возвышалось нечто огромное и, к ужасу Валча, живое. Лунный свет блестел на боках существа, покрытых, казалось, чем-то вроде брони, и отражался от огромного рога, торчащего из середины головы чудовища. Этим рогом оно целеустремленно било в сарай кузнеца, стены хлипкого строения уже качались и готовы были вот-вот рухнуть. Онемевший Валч наблюдал, как кузнец и его домочадцы, вооруженные чем попало, выскочили из дома и беспомощно заматались вокруг чудовища, которое, казалось, не обращало на людей никакого внимания. Из соседних домов тоже выбегали сунильцы и испуганно замирали, не зная, что предпринять. Крики людей, вой собак, рев проснувшейся скотины и грохот, производимый неведомым зверем, просто оглушали. На крыльце показались встрепанные сыновья Валча в исподнем, из окон выглядывали бледные лица женщин.

Наконец, чудовище развалило сарай кузнеца и неторопливо двинулось к его дому. Валч видел, как огромное существо равнодушно наступило тяжелой ногой на молодого брата кузнеца, пытавшегося ткнуть пикой ему в глаз. Заголосила мать, ее плач подхватили другие женщины.

– Отец, что ты стоишь, как пень! – непочтительно заорал на Валча его старший сын. – Этот демон порушит нам всю деревню! Надо что-то делать!

Грубость сына вывела старосту из оцепенения. Мимоходом закатив ему увесистую оплеуху, Валч подозвал внука и велел ему скликать мужчин деревни с оружием. Сам староста схватил огромный колун, сыновья взяли луки, с которыми ходили на охоту, и все бросились к дому кузнеца, который ходил ходуном от ударов чудовища.

– Если что – уводи детей! – успел крикнуть Валч выбежавшей во двор жене.

Вблизи чудовище выглядело невообразимо огромным. Его спина вздымалась вровень с крышей дома, а похожие на столбы ноги глубоко вдавливались в землю, не выдерживающую немислимого веса зверя. На свой рог, устрашающе торчащий над пастью, чудовище без труда могло насадить быка-трехлетка. Вдобавок существо было сплошь покрыто чешуйчатой броней, от которой отскакивали стрелы и пики сунильцев. Маленькие глазки зверя смотрели совершенно тупо – казалось, разума в нем было не больше, чем в ползущей по листу лопуха улитке. Суетившиеся вокруг люди чудовище совершенно не интересовали. Видимо, оно хотело разрушить дом, а все остальное не имело для него никакого значения.

– Великий Митра, откуда взялась эта громадина? – растерянно пробормотал младший сын Валча.

Увидев старосту, крестьяне окружили его, крича наперебой и размахивая руками. Из их слов Валч понял, что оружие против бронированного зверя бессильно.

– Где Хаскей? – Валч обвел взглядом односельчан. Хаскей, лентяй и большой охотник до девок, имел лишь одно достоинство – он считался лучшим лучником среди деревенских парней во всей округе. Выяснилось, что накануне Хаскей уехал проводить замужнюю сестру в село Пеледуй. Валч с досадой сплюнул – никто в деревне, кроме Хаскея, не имел ни малейшего шанса попасть стрелой в глаз чудовища.

Раздался горестный вопль женщин – зверь окончательно развалил дом кузнеца и, неуклюже топчась по ломавшимся как тростинки сосновым бревнам, медленно поворачивался к кузне.

Валч лихорадочно соображал.

– Тащите факелы! – решительно приказал он крестьянам. – Может, чудище испугает огонь, – Валч виновато обернулся к кузнецу: – Придется, друг Тугела, поджечь твой сеновал, ничего не поделаешь.

Кузнец лишь хмуро кивнул в ответ.

Принесли факелы, несколько парней вызвались проскользнуть мимо зверя и поджечь сено прямо перед его носом. Валч с острой тревогой смотрел, как парни во главе с его старшим сыном быстро пробегают позади огромных ног чудовища к сеновалу, и старался не думать о том, что осталось от брата кузнеца. Выждав, пока морда чудовища окажется как раз напротив сеновала, сын Валча махнул рукой, подавая команду, и сено затрещало, подожженное сразу с нескольких сторон.

Несколько мгновений существо пялилось на быстро разгорающееся пламя – и, неожиданно испустив трубный рев, попятилось назад и замотало уродливой головой. Один из парней не успел увернуться и был отброшен огромным рогом почти на десять локтей. У бедняги были переломаны все кости, и он умер через пару ударов сердца после падения. Крестьяне бросились врассыпную, спасаясь от обезумевшего чудовища. Нескольких не столь проворных зверь просто затоптал, даже не заметив этого. Оглушительно ревя и сметая все на своем пути, чудовище пронеслось через Верхнюю Сунилу и скрылось из виду.

Люди сбились в кучку посреди деревни, приходя в себя и оглядывая разрушения, произведенные невиданным существом. Кроме дома и сарая кузнеца, оно снесло несколько заборов, коровник, попутно растоптав нескольких коров, и небольшой домишко, принадлежавший вдовой Синаре. Она, простоволосая и в одной рубашке, воя, царапала бревна, под которыми осталась ее маленькая дочь. Слышен был плач других женщин, лишившихся в эту ночь мужа или сына. Валч с облегчением увидел своих домашних – все живы и невредимы.

– За какие грехи Митра послал нам это чудище? – вздохнул рядом сосед Валча, старый Нирс.

– Скорее уж не Митра, а сам Сет сотворил это исчадие тьмы, – мрачно ответил младший сын Валча.

– Это потому, что у нас до сих пор нет святилища, – бубнил свое Нирс. – Вот Податель Жизни и не защитил нас от демона.

– Завтра же призовем жреца из столицы и заложим капище, – решил Валч, а про себя подумал, что в Тарантии понастроено немало храмов Митры – да что-то не больно спасал ее Светлый Бог на его, Валча, памяти; что уж ожидать от маленького деревенского святилища?

Постепенно расходились по домам крестьяне, мужчины увели под руки потерявшую разум от горя Синару, семью кузнеца пристроили на время в дом плотника Булия, лишившегося сегодня старшего сына. Завтра надо помогать кузнецу строить новый дом, отрядить нескольких мужчин ремонтировать кузню, выяснить, у кого погибли коровы и выделить им из общей доли на покупку новых, найти кого-нибудь, кто позаботится о несчастной Синаре... А сколько возьмет жрец за выдачу разрешения на строительство святилища и совершение нужного обряда?

«Не было печали...» – тяжело вздохнул Валч.

Наутро сыновья Валча прошли пару лиг по следам чудовища, глубоко отпечатавшимся в земле. Они вели из леса Руазель.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Послеполуденное солнце золотило лениво набегающие на песок воды Западного океана. Белые чайки деловито сновали над морской гладью, время от времени с торжествующим криком вылавливая из воды сверкающих как алмазы рыб. Далеко, у самой линии горизонта, виднелись галеры с облачками парусов, казавшиеся нарисованными на сияющей лазури.

Вайд, корсар Его Величества Короля Зингары и капитан знаменитого «Непоседы», любил это тихое предместье Кордавы с его кривыми тенистыми улочками и воздухом, напоенным морской свежестью и запахом апельсиновых деревьев. Поэтому и обосновался он именно здесь, а не в столице, как другие удачливые капитаны корсарских кораблей. Вайд приобрел в предместье небольшой домик, где поддерживала чистоту и уют степенная домоправительница матушка Лусена, и где так славно отдыхалось в перерывах между выходами в море в отдалении от сутолоки столицы.

Нельзя сказать, что Вайд не любил Кордаву. В этом городе прошло его детство, здесь жила и умерла его мать, отсюда он в первый раз отправился в море на пиратском караке – и сюда же вернулся несколько лет спустя, возмужавший, разбогатевший и повидавший немало удивительного и загадочного. Не знаящий никакого дела, кроме морского, Вайд купил корабль, нанял матросов – и получил официальный патент короля Зингары на корсарство. Осторожному и дальновидному капитану везло, и матросы «Непоседы», вернувшись из очередного похода, шумно пили за здоровье Вайда, довольно гремя увесистыми кошельками. Сам Вайд не любил пьяных кутежей в припортовых тавернах и, опрокинув с командой карака положенную по традиции кружку эля, уезжал в свой дом, роскошно и не без вкуса обставленный им самим, чтобы наслаждаться уютом, достатком и покоем, которых был лишен всю предыдущую жизнь.

Вайд оторвал взгляд от моря, на которое мог смотреть часами, и обернулся к товарищам, сидящим в увитой зелеными виноградными лозами беседке. Пятеро мужчин и три женщины наслаждались гостеприимством хозяина, празднуя очередное удачное возвращение из моря.

Черноволосая красотка Вяна перебирала струны виолы и грудным бархатным голосом пела простую трогательную песню – из тех, что нравятся морякам.

Ты меня опять покинул,
Нежно обнял на прощанье.
Позвало тебя, любимый,
Звезд полуночных сиянье.
Снова я одна осталась,
Тихо плача у порога.
И блестит при лунном свете
Боль моя – твоя дорога...

Вайд пожалел, что задумался и прослушал песню – голос у Вяны был замечательный, и пела девушка с большим чувством. В такие минуты она казалась Вайду воплощением мужской мечты о нежной и верной возлюбленной. Но песня кончилась, очарование спало – и Вяна вновь превратилась в обычную кордавскую содержанку, увешанную безвкусыными драгоценностями и уже начинавшую полнеть от невоздержанности в еде и выпивке.

Остальные гости, лишённые подобных чувств, громкими криками выразили свое одобрение певице, а рыжеволосый Сигурд из Ванаксейма на правах избранника обнял Вяну и смачно поцеловал ее в глубокий вырез алого шелкового платья. Девушка жеманно захихикала и отложила виолу.

– Ну что, еще красного аргосского за нашего капитана? – предложил штурман «Непоседы» Оливенса и поднял бокал. Он плавал на караке уже год, и Вайду нравился этот крепыш из Карташены, большой знаток своего дела и любитель веселых историй.

– Я польщен, – вмешался Вайд, – но тосты не должны быть однообразны – это плохо влияет на вкус вина. Давайте лучше выпьем за Его Величество, который дает нам такую прекрасную возможность зарабатывать себе на хлеб! – и капитан «Непоседы» под восторженные крики присутствующих единым духом осушил свою чашу.

– Не только на хлеб, – с некоторой завистью протянул юный Салуццо, взятый Вайдом в команду во время последней неофициальной стоянки в небольшом аргосском порту Мерано и получавший пока мизерную долю от общей добычи. – Хотел бы я спать на мягкой софе и есть с золотых блюд, как наш капитан!

Белокурая немедийка Линген, подруга Оливенсы, ослепительно улыбнулась и, зазвенев серебряными браслетами, взъерошила юноше волосы.

– Подожди хотя бы, пока у тебя начнет расти борода, – насмешливо сказала она. – А пока поешь с глиняных тарелок.

Все расхохотались, глядя на обиженное лицо Салуццо, к которому пока даже женщины не проявляли должного уважения.

– Ты, мальчик, думаешь, что наш капитан всю жизнь только и делал, что ел с золотых блюд, – вступил в разговор старый Алькарас, знающий о море и кораблях больше, чем все присутствующие вместе взятые. – Я был знаком с его достойной матушкой, которая трудилась не покладая рук, чтобы не дать сыну умереть от голода. А наш капитан в твои годы зарабатывал на жизнь, таская мешки с зерном в порту, и получал за это гораздо меньше, чем ты, загораая на палубе!

Вайд усмехнулся – в то время его основной доход состоял отнюдь не из платы, получаемой за разгрузку торговых галер, как пытался в нравоучительных целях представить Алькарас. Будущий капитан кормился тем, что сочинял разухабистые неприличные песенки и исполнял их в матросских кабаках близ Морского рынка. А с его достойной матушкой была знакома половина мужского населения Приморского квартала, и именно ее достоинства – на взгляд Вайда, весьма спорные – позволяли им вести сносное существование.

– Да уж, помню я нашего капитана в те годы! – оглушительно расхохотался великан Сигурд и отложил в сторону дочиста обгрызенную ножку куропатки. – Когда он появился у нас на «Вестреле», мы сразу прозвали его Крысенком – такой шупленький востроносенький парнишка, я б его пришиб и не заметил! – и северянин с удовольствием согнул мощную руку, на которой тут же вспухли внушительные мускулы. – Чем он приглянулся Конану – ума не приложу! Но песенки пел забавные, веселил нас изрядно... Помнишь, Асторга? – обратился Сигурд к чернобородому мужчине с золотой серьгой в ухе, задумчиво жуящему персик. Тот лениво кивнул в ответ.

– Когда я пришел в себя после потасовки с ребятами «Красотки» и узнал, что Крысенка нет на борту – я жалел, клянусь Имиром! – для пушей убедительности Сигурд стукнул себя кулаком в широкую грудь. Вайд хмыкнул – в подобную сентиментальность ванахеймца верилось с трудом.

– Конан сказал, что ты, похоже, тронулся умом и решил вернуться в Дарфар, – подал голос Асторга и сплюнул персиковую косточку в траву. – Мы хотели доставить тебя на «Вестрел» силой – авось в Зингаре вылечат – да Конан запретил.

– И когда спустя три года Крысенок объявился в Кордаве, да еще с кучей денег – я от удивления чуть не съел собственную бороду! Когда он меня разыскал в «Девяти стрелах», я его сперва не узнал, а когда он мне чуть на шею не бросился, аж оторопел. Великий Митра, думаю, неужели у Нергала сегодня проход в обе стороны? Оказывается, этот щенок нашел в джунглях те самые сокровища, ради которых мы потащились в эту дыру и вернулись ни с чем, приехал

домой и не знает, чем заняться! Я ему тогда и посоветовал получить патент на корсарство. И «Непоседу» я ему сосватал. Вот так благодаря мне Крысенек превратился в капитана Вайда! – все успехи друга Сигурд с самого начала искренне приписывал себе.

– Так выпьем же за то, чтобы в джунглях было достаточно сокровищ, и они рано или поздно все же попались нам под ноги! – торжественно возгласил Оливенса, наполняя бокалы всех присутствующих.

Асторга дождался персик, потянулся было за другим – но передумал, уронил голову на колени пышногрудой зеленоглазой Мерида и неожиданно спросил:

– А правду ли болтают, будто королем в Аквилонии сейчас ни кто иной, как наш бывший капитан Конан Киммериец?

Вайд кивнул:

– Я как только услышал, что в Тарантии убили их прежнего короля Нумедидеса, а вместо него воссел неизвестный никому Конан – сразу понял, что это именно наш Конан, капитан незабываемого «Вестрела». Сбылось все-таки пророчество...

– Какое пророчество? – удивился было Асторга, но его совершенно заглушил энергичный бас Сигурда:

– Как, король Аквилонии – мой друг и соратник?! Почему же мне никто не сказал! Когда он неожиданно покинул «Вестрел» и отправился куда-то на север – я единственный из всей команды переживал, клянусь задницей Имира! Я хочу видеть Конана! Мы столько морей пробороздили вместе, что будь он хоть самым святым Эпимитриусом – он будет рад мне! Вайд, снаряжай корабль! Поплывем в Мессантию, а там по Хороту – до самой Тарантии. Мы еще выпьем за былые подвиги!

Вайд улыбнулся – он прекрасно знал, что горячий порыв Сигурда угаснет через пару чаш с вином. Северянин загорался так же быстро, как и потухал – видимо, сказывалось долгое житье в теплом климате.

– И ты надеешься попасть во дворец? – не упустила своего насмешница Линген. – Да как только ты заявишься туда с этакой рожей, стража сразу решит, что ты пришел ограбить королевскую казну. И сидеть тебе в Железной Башне да вспоминать былые подвиги.

Сигурд наморщил лоб, раздумывая, что бы такое-эдакое ответить забывшей свое место женщине. Вьяна бросила на Линген уничижительный взгляд и пробормотала как бы про себя:

– Можно подумать, что твоего Оливенсу пустят на порог хотя бы к городскому судье!

Городской судья Кордавы был самым высокопоставленным лицом в карьере Вьяны, и потому казался ей образцом достатка и могущества. Но Линген не смутило упоминание о столь значительной персоне.

– Конечно, Оливенса и сам не пойдет к судье, – вкрадчиво произнесла она. – Ведь после того, как судью дочиста разорила одна особа, любящая обвешивать себя побрякушками словно чернокожая дикарка с юга, он стал брать непомерно большие взятки... – и она вложила в свою очаровательную улыбку точно отмеренную дозу змеиного яда.

Загорающуюся было ссору прервал треск кустов барбариса, в изобилии высаженных вокруг дома, и в беседку вошло существо. Его атласная черная шкурка была усыпана белыми лепестками, большие газели ушки нервно дергались, короткая грива и хвостик метелочкой слиплись от воды, глаза цвета светлого янтаря с любопытством оглядывали присутствующих. Размером оно было с крупную собаку, но ставило большие лапы с чисто кошачьей грацией. На маленькой аккуратной головке животного серебрился слегка изогнутый вперед белый рог.

– Я купался! – пронзительным голосом заявило существо, и в подтверждении своих слов шумно встряхнулось, обдав окружающих тучей брызг.

– Тао, сколько раз я просил тебя не ломать кусты матушки Лусены, – строго сказал Вайд. – Неужели трудно было пройти по дорожке?

– Но так же короче! – с неоспоримой логикой заявил Тао и направился к женщинам, которые, тут же забыв свои обиды, заворковали и начали пихать в маленького демона всевозможные сладости и фрукты.

Тао Вайд привез с собой из Дарфара вместе с сокровищами. Необычный зверек, обладающий человеческой речью и разумом пятнадцатилетнего подростка, всем сердцем привязался к своему старшему другу. Любопытный и незлобивый по натуре, Тао в случае опасности мог стать опасным противником: его лапы имели острые когти, а рог, торчащий посреди лба, не был просто украшением. Вайд брал друга с собой в море, и матросы обожали общительное и веселое создание. Они считали, что этот экзотический зверь приносит удачу «Непоседе». При встрече с незнакомыми людьми Тао использовал простейшую иллюзию и становился неотличим от обыкновенного черного пса. Это было единственное колдовство, доступное маленькому демону.

– А у нас кончилось «Сердце золотой лозы», – капризно протянула Вьяна и перевернула вверх дном пустой серебряный графин.

– И правильно, нечего пить эту сладенькую водичку! Сейчас я налью тебе настоящего матросского эля, киска, – и Сигурд потянулся за глиняной бутылкой, которую, зная утонченный вкус хозяина дома, предусмотрительно захватил с собой.

– Я сейчас принесу «Поцелуй красотки». Отличное зингарское вино, не хуже аргосского «Сердца лозы»... – сказал Вайд, взял графин и направился к дому. Тао, торопливо проглотив миндальное пирожное, которым его пичкала Мерида, рысью побегал вслед за ним.

В доме было прохладно, и вкусно пахло стряпней матушки Лусены. Вайд спустился в погреб, налил в графин вина, поднялся наверх и собрался было идти к пирующим друзьям. Но вместо этого отставил кувшин и опустился в кресло. Потому что с ним заговорил Лабиринт.

– Ты слышишь меня, Вайд?

– Да.

– Я давно не говорил с тобой. Как продвигается твое учение?

– Я стараюсь. Но мне трудно без твоей помощи.

– Ты должен понять все сам. Иначе ты потом ничего не сможешь сделать без моих подсказок.

– Древние тексты так противоречивы и туманны, – пожаловался Вайд. – Например, что означает: «Чудовище есмь монстр, уничтожению подлежащий, но доброй воли к тому не имеющий»?

Лабиринт промолчал – как всякое сверхъестественное создание, он не обладал чувством юмора.

Много тысяч лет назад, в легендарные времена Ахерона, когда боги еще ходили по земле, один из них, настолько древний, что его культ уже тогда был предан забвению, решил создать себе место успокоения. Боги, хоть и бессмертные, в чем-то уязвимее смертных людей – ведь, лишённые поклонения, они теряют смысл существования. Бог заключил себя в собственной гробнице, плоть его истлела, дух отлетел в иные миры, а гробница за прошедшие тысячелетия обрела сознание, ибо слишком много силы скопилось в ней, жаждущей воплотиться в мысль. Так в джунглях Дарфара возник Лабиринт.

Наделенный необычайным магическим могуществом, погруженный в тайны мироздания Лабиринт не интересовался людскими делами. Но и внешний мир не должен был беспокоить его. Попытавшихся было поселиться в его подземельях людей-змей из Валузии Лабиринт выгнал без малейшего труда. Для защиты от нежелательных вторжений Лабиринт создал вокруг себя преграду, непроходимую для любого мага, буде тот вознамерится придти. Но Лабиринт не был человеком или даже разумным существом. Он был всего лишь сознательной вещью, а любая вещь нуждается в Хозяине. И могущественный Лабиринт принялся искать его. Вайд оказался в дарфарских джунглях вместе с пиратами, искавшими древние сокровища.

Почему Лабиринт выбрал именно его, самого слабого и незначительного члена команды, Крысенка, над которым все потешались и никто не принимал всерьез – до сих пор оставалось для Вайда загадкой. Что-то разглядел в нем Лабиринт, недоступное взгляду простых смертных. А может, простые смертные не очень-то и приглядывались?

Так Лабиринт обрел Хозяина, а Вайд – огромную магическую силу, с которой пока совершенно не умел обращаться, способность видеть дальше и чувствовать больше остальных, и верного друга Тао, встреченного им в подземельях гробницы. Три одиноких года, проведенные Вайдом в Лабиринте, превратили плутоватого и легкомысленного Крысенка во взрослого мужчину, обладающего основами тайного знания и научившегося ничего не бояться. Потом, соскучившись по людям, Вайд ушел из дарфарских джунглей, но связь с Лабиринтом не прервалась. Когда Лабиринт хотел говорить с Хозяином, Вайд слышал в голове его голос, где бы он ни находился.

– *Ты много можешь, но мало умеешь. Между тем, скоро тебе понадобится вся моя сила и все твои знания...*

– Что-то случилось? – спросил Вайд, машинально поглаживая голову Тао, лежащую у него на коленях.

– *Я ощущаю изменения во внутреннем мире, которые уже затронули внешний. Сфера перестала быть замкнутой. Я чувствую холод иных миров...*

– Ничего не понимаю, – взмолился Вайд, которого порой раздражала манера Лабиринта излагать свои мысли так, будто его Хозяин давным-давно занимает главный пост в Круге Магов. – Объясни толком, что произошло.

– *Как гласит древнее знание, наш мир состоит из двух сфер, вложенных одна в другую. Внешняя сфера – это мир смертных, мир понятного и обыденного; внутренняя – мир тайных законов и неведомых сил, мир богов и магов. Вселенная состоит из множества таких сфер, соприкасающихся одна с другой...*

Вайд вздохнул – подобной тягомотиной были напичканы трактаты, которые он читал, пытаясь, по совету Лабиринта, постичь тайны мироздания. После неоднократных попыток прорваться сквозь вычурный текст древних манускриптов, Вайд с некоторым стыдом обнаружил, что эти тайны его совершенно не интересуют. Здравый смысл подсказывал – необходимо изучать то, что может пригодиться на практике.

– *Если кто-то или что-то нарушит целостность одной сферы, содержимое соседней начнет проникать в нее. Это нарушает общее равновесие, и грозит опасностью как для открывшего Портал, так и для обоих миров...*

– Кажется, я понял, – раздумчиво протянул Вайд. – Кто-то проделал дырку в нашей сфере, и из нее сквозит, как из плохо заткнутого окна. Так?

– *На вульгарном языке смертных даже великие тайны Вселенной теряют свою значимость... Такого не случалось очень давно даже для меня. Я не предполагал, что родится маг, способный на подобное. Но чем дальше, тем больше я убеждаюсь – Портал открыт, и Хаос надвигается на наш мир...*

– Ты хочешь, чтобы я это выяснил точно? – догадливость была врожденной чертой Вайда.

– *Да. Ты должен найти Портал и того, кто его открыл. А потом я помогу тебе закрыть его.*

– Ну что ж, выглядит все очень просто, – проворчал Вайд. – И моего согласия на подвиг, кажется, даже не требуется... А где же расположен этот Портал?

– *Когда я говорю с тобой, я чувствую его гораздо сильнее. Значит, он ближе к тебе, чем ко мне... Где ты сейчас находишься?*

– В Кордаве, столице Зингары. Это на берегу Западного океана.

– *Кордава, Зингара... Человеческие названия ничего не говорят мне. Я не ощущаю расстояние, я чувствую лишь энергию, пронизывающую пространство.*

– Замечательно, – хмыкнул Вайд. – Я должен найти неизвестно что, открытое неизвестно кем неизвестно где. Так много загадок – и все мне одному. Не поперхнуться бы... Но хотя бы в каком направлении начинать поиски?

После некоторой паузы Лабиринт ответил:

– *Ты должен двигаться к полуночным странам. Скорее всего, Портал открыт неподалеку от больших людских поселений – так его влияние намного больше.*

Вайд облегченно вздохнул – это означало, что не надо тащиться в Пустоши Пиктов или ледяной Ванахейм. Похоже, Лабиринт имел в виду, что Портал расположен в Аквилонии или Немедии.

– Начну-ка я, пожалуй, с Аквилонии. В конце концов, я там родился – по крайней мере, так утверждала моя матушка. Глядишь, и Конана повидать... – пробормотал Вайд. – Отправляться надо немедленно? – он уже привык к тому, что магические дела не терпят отлагательства.

– *Да. Если тебе понадобится помощь – я узнаю. Используй свои знания и верь в свои силы – только так ты сможешь что-то сделать.*

Вайд протянул руку, нащупал графин с вином и сделал добрый глоток. Потом потрепал по голове сидящего у его ног и внимательно смотрящего ему в лицо Тао.

– Такие дела... Прощайте, спокойная жизнь, хорошее вино и красивые женщины! Мы уезжаем, маленькое чудовище.

– Это Лабиринт? – полуутвердительно спросил Тао.

– А кто еще может заставить меня покинуть этот уютный уголок, чтобы отправиться Нергал знает куда? – и Вайд, подхватив кувшин, направился в беседку.

Подходя к пирующим друзьям, Вайд в который раз испытал острое чувство одиночества. Вот Сигурд целует смеющуюся Вяну, Асторга задумчиво поедает инжир, Мерида и Линген с горящими глазами обсуждают какие-то женские секреты, Оливенса рассказывает что-то задыхающемуся от хохота Салуццо, старый Алькарас неторопливо вытряхивает на ладонь понюшку табака, матушка Лусена поливает свои любимые нарциссы – и никто знать не знает о каких-то сферах, порталах, магах и лабиринтах. А если бы Вайд попробовал им рассказать – они рассмеялись бы и предложили ему не забивать голову подобной ерундой, а лучше выпить вина и утешиться в объятиях хорошенькой девицы. Счастливы те, кто имеет способность не задумываться ни о чем, кроме насущных дел и сегодняшнего дня. Вайд оставил эту способность на перекрестках Лабиринта.

Когда хозяин дома объявил, что уезжает и даже не знает, когда вернется, поднялся веселый шум – все начали строить самые невероятные предположения, что могло случиться с Вайдом во время похода за вином, после чего он так внезапно изменил свои планы. Но Вайд не принял участия в дружеской перебранке, а, отозвав Сигурда, невзирая на неудовольствие Вяны, дал ему несколько распоряжений насчет «Непоседы» и назначил северянина капитаном на время своего отсутствия. Сигурд принял назначение с должной торжественностью и клятвенно обещал, что ко времени возвращения Вайда «Непоседа» лишь преумножит свою славу и капиталы. Правда, язык у него при этом слегка заплетался от количества выпитого.

С непонятной грустью Вайд наблюдал, как, весело переговариваясь, покидают друзья его гостеприимный дом. Тао, всегда остро чувствующий настроение Вайда, ласково ткнулся влажным носом ему в ладонь.

– Мы же вернемся. И все будет по-прежнему. Разве не так?

– У таких, как мы, никогда не бывает «по-прежнему». Потому что мы сами не остаемся прежними, – и Вайд погладил отливающий перламутром в лучах закатного солнца рог своего спутника.

* * *

Проводить Вайда пришли Сигурд с Вяной, Асторга и Оливенса. Они впятером стояли на пирсе морского порта, глядя на бьющие в камень зеленые волны с шапками грязной пены. Неподалеку крутился Тао, приводя в изумление местных псов, на которых, как на существ примитивных, иллюзии не действовали.

Сперва Вайд хотел добраться до Мессантии на своем караке, а там пересесть на галеру, следующую по Хороту до аквилонской столицы, но передумал. Если представить себе расставание капитана с командой в чужом порту в середине плавания – то выходило очень скверно. К тому же постоянные трения между властями Аргоса и зингарскими корсарами, несколько обострившиеся в последнее время, делали мирный заход «Непоседы» в Мессантию более чем затруднительным. А купить место пассажира на любой торговой галере в Кордаве не представляло труда.

Купеческая галера «Эвора», выбранная Вайдом, скорее всего, за красивое имя, покачивалась на волнах, скрипя сходнями. Вспотевшие матросы таскали на борт разнообразные тюки и мешки, статный щеголеватый капитан громогласно распоряжался, время от времени работяшно поглядывая в сторону низенького владельца галеры, с равнодушным видом отмечающего что-то на восковых дощечках.

– Эвон как расстилается, – презрительно проговорил Асторга, кивнув на капитана «Эворы», и сплюнул. – Ни за какие богатства не согласился бы стать холуем у жирного торгаша. Пиратство – вот единственное достойное мужчины занятие на море!

– Что верно – то верно! – хохотнул Сигурд и хлопнул по плечу Вайда, отчего тот едва не свалился в воду. – А что, капитан, может, все-таки не выходить нам в море до твоего возвращения? Монета у ребят пока есть – пусть купчишки отдохнут от нас немного...

– Спасибо, Сигурд, но лучше вам меня не ждать, – покачал головой Вайд. – Я правда не знаю, когда вернусь.

– Что же у них в Тарантии случилось, что без тебя обойтись не могут? – хмыкнул Оливенса, с преувеличенным удивлением поднимая брови. – Никак ваш бывший капитан Конан с делами не справляется?

Вайд пожал плечами – настроения шутить у него сейчас не было.

– Да, обязательно повидайся с Конаном, – с энтузиазмом напутствовал Сигурд уже в который раз. – Передавай от нас – мы помним его и «Вестрел», наши походы и кутежи. Пусть и он, сидя на троне в королевских палатах, не забывает своих друзей-корсаров и прежнюю вольную жизнь... – растрогав сам себя, северянин шумно засопел и от избытка чувств проломил ударом кулака стоявшую у его ног старую бочку.

– У меня знакомец тоже недавно в Тарантию ездил, – ни к кому не обращаясь, сказал Асторга. – Он в оружейной лавке служит, так его хозяин на ярмарку в аквилонскую столицу какие-то новомодные арбалеты возил. Большой, говорит, город, не меньше Кордавы. И улицы пошире, не то что у нас. А порт маленький – так ведь речной... И порядка у них куда меньше. То пожар, то резня, то убьют кого-нибудь ночью, а виновных не найдут. Тарантийцы не дураки, они все на разных демонов валят. Только мой знакомец говорит, что демонов он никаких не видел, зато наблюдал ночную стражу, которая на ногах не держится...

– Можно подумать – от нашей кордавской стражи проку много, – уверенно проговорила Вяна и кокетливо поправила цветок в волосах, поймав случайно брошенный на нее взгляд капитана «Эворы». – Женщине одной на улицу вечером выйти страшно!

– Ну, киска, тебе-то нечего бояться. С таким темпераментом тебе никакой демон не страшен – если он мужского пола, конечно! – и Сигурд неуважительно шлепнул Вяну пониже спины, хладнокровно проигнорировав ее яростный взгляд.

Вайд машинально улыбнулся, думая о своем. В Тарантии говорят о демонах. А Лабиринт не знает, как проявит себя Портал... Может быть, конечно, это просто бабьи сплетни да пьяные видения. Но порой даже среди базарных слухов кроется зерно истины – это Вайд знал по опыту.

– Похоже, мы движемся в правильном направлении, – пробормотал он и впервые почувствовал укол страха.

Погрузка закончилась, капитан «Эворы» махнул Вайду рукой – приближался утренний отлив, с которым галера должна покинуть гавань. Друзья принялись жать Вайду руку и хлопать по плечу, желая доброй дороги. Сигурд снял с плеча виолу Вяны.

– Спой на прощанье для моего капитана, киска, – попросил он девушку непривычно мягким голосом. – Я знаю, ему нравится, как ты поешь...

...Вайд уверенно стоял на качающейся под ногами палубе галеры, глядя на исчезающий в дымке берег. Натужно скрипели снасти, ветер хлопал парусами, мерно шлепали об воду весла, слышались отрывистые команды капитана – а в ушах Вайда еще звучала прощальная песня Вяны:

Опять манит куда-то вдаль
Тебя дорога.
И сердце холодит печаль
Твое немного.
Но теплый ветерок морской
Слезу осушит,
Свобода пряною волной
Наполнит душу.
Тебя встречают города
И лиц смещение,
И не наскучит никогда
Тебе движенье.
Не знаю, суждена ли вновь
С тобою встреча.
Ведь каждая твоя любовь —
Другой предтеча...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Этот день начался для Ларго необычно. С утра в казармы Черных Драконов, личной стражи Его Величества Короля Аквилонии, явился служащий королевской канцелярии – что было само по себе странно, ибо военные и чиновники терпеть не могли друг друга – и, заглянув в какую-то бумажку, громко спросил:

– Находятся ли здесь некие гвардейцы Ядрин, Смелидес и Ларго?

Тут чиновник дал маху – «некие» Ядрин, Смелидес и Ларго были еще не гвардейцами, а всего лишь учениками при отряде королевской стражи, ожидающими со временем официального зачисления в Черные Драконы. Правда, они носили такую же форму, как другие гвардейцы, но без всяких знаков отличия, а внушительный меч с выбитым на пяте клинка драконом заменял пока обычный длинный кинжал. Да что взять с этого крючкотвора, явно не способного отличить елмань от доломани!

Молодые люди поднялись и подошли к чиновнику, всем своим видом выражая независимость. Тот окинул их пренебрежительным взглядом и уронил:

– С вами будет говорить Его Величество король Конан Аквилонский. Быть в полдень во дворце в Малом Приемном зале. И не забудьте вымыть свои рожи и причесаться, – и служащий, одарив их на прощанье еще одним уничижающим взглядом, удалился.

Ядрин, Смелидес и Ларго растерянно переглянулись. Пока они не устаивались разговора даже с командиром Черных Драконов Паллантидом. Что же могло такого произойти, из-за чего сам король узнал об их существовании?

– Это наверняка из-за нашего налета на кухню, – с тоской заговорил Смелидес, самый младший из товарищей – ему еще не исполнилось пятнадцати весен. – Повар узнал нас даже под масками и доложил. Я же говорил – обойдемся мы без этих каплунов...

– Не ной, дурачина, – оборвал его Ядрин. Он начал бриться еще весной и поэтому считал себя вполне зрелым мужчиной. – Очень нужно королю разбираться в наших маленьких проделках. Если бы узнали про кухню – ты бы давно сидел на гауптвахте. Нет, тут что-то поважнее... Может, король хочет послать нас как лазутчиков во вражье государство? – глаза Ядрины загорелись жадной подвига.

– Ты из арбалета сначала научись стрелять как следует, лазутчик, – посоветовал Ларго. – А то на последних стрельбах прибил плащ офицера Эсканобы стрелой к дереву – а такой плащ, между прочим, десять золотых стоит, мне портной говорил. Я б тебя на месте Эсканобы к тому же дереву вверх ногами приколотил... – и Ларго с тяжелым вздохом подытожил: – Нет, ничего хорошего от разговора с королем нам ждать не приходится.

Ларго считал, что ему не везло с самого детства. Его отец, солдат-наемник из дальней страны, покинул мать Ларго задолго до появления на свет наследника. Мюриэль с младенцем, скитаясь по южным странам, добралась до Аквилонии и осталась в Шамаре. О матери, умершей, когда сыну исполнилось семь лет, Ларго помнил немного. Остались в памяти ее черные кудри, которые маленький Ларго любил наматывать на палец, да тонкие смуглые руки, унизанные множеством браслетов, мелодично звеневших, когда мама укачивала сына. Пожалуй, Мюриэль зарабатывала на хлеб танцами – по крайней мере, Ларго помнил дым и чад полутемной таверны, и знакомый звон браслетов под оглушающий вой и пиликанье каких-то инструментов. После смерти матери мальчика взял к себе сердобольный сосед-гончар. Сперва он пытался сделать из сироты помощника по ремеслу – но, выбрасывая очередное рассыпавшееся после обжига творение Ларго, старик-гончар свыкся с мыслью, что у его воспитанника иная стезя в жизни. Кузнец, пекарь и чеканщик после некоторых мытарств пришли по поводу Ларго к тому же выводу.

Когда Ларго исполнилось семнадцать, в Аквилонию вторглись офирские и кофские войска и осадили Шамар. Все мужское население, способное носить оружие, призвано было на защиту стен города. И тут Ларго неожиданно проявил себя с лучшей стороны. Рослый и сильный не по годам, юноша оказался отличным бойцом и заслужил уважение более старших и опытных товарищей по оружию. Когда подоспевшая аквилонская армия сняла осаду Шамара, и ополчение распустили, окрыленный успехом в ратном деле Ларго отправился в столицу – вербоваться в войско короля.

Офицер, ведающий приемом новобранцев, пощупал мускулы юного шамарца, окинул уважительным взглядом его рослую фигуру – и определил Ларго в ученики к Черным Драконам. Что ни говори, а солдаты личной королевской стражи должны быть как на подбор – статные да широкоплечие. Товарищи, глядя на то, как ловко управляется будущий стражник с мечом и боевым топором, прочили Ларго быстрый прием в Черные Драконы и головокружительный рост карьеры под крылом Паллантида, не забывавшего отличать бравых ребят.

Но принятые вместе с Ларго новобранцы давно скрепляли алые форменные плащи брошью в виде дракона из черненого серебра – а злосчастный воспитанник гончара по-прежнему числился лишь учеником. Ларго был уверен, что во всем виноват злой демон, пролетевший однажды над его колыбелью. Офицер Эсканоба, правда, придерживался иного мнения, считая ученика Ларго слишком ленивым и строптивым для того, чтобы из него получился хороший солдат. Любящий разнообразные проделки Ларго всякий раз умудрялся попадать на гауптвахту именно перед очередным официальным зачислением в гвардейцы, и снова оставался в рядах безусых новобранцев. Пожалуй, его давно бы выгнали или перевели в рядовые пехотинцы – но явные успехи ученика в обращении с оружием и отменные сила и выносливость каждый раз внушали офицерам надежду сделать из Ларго что-нибудь путное.

Ровно в полдень вся троица находилась перед дверями, ведущими в Малый Приемный зал. Не раз ученикам Черных Драконов приходилось нести здесь стражу – но никогда их не приглашали внутрь. Побледневшие Ядрин и Смелидес робко жались у окна, а распрощавшийся с честолюбивыми надеждами Ларго мрачно разглядывал мраморные статуи, изображавшие неизвестных ему древних королей и полководцев. Поодаль переминались с ноги на ногу какие-то крестьяне, ожидающие своей очереди. Наконец, двери зала распахнулись, и вышедший распорядитель объявил:

– Стражников Ларго, Ядрина и Смелидеса ожидает Его Величество!

– Спаси нас Митра! – услышал Ларго шепот Смелидеса и первым шагнул за порог.

Ларго не раз приходилось видеть короля – на парадах или во время несения караула в дворцовых покоях. Но никогда внимание правителя Аквилонии не привлекал ничтожный ученик гвардейцев. И теперь, встретив прямой взгляд голубых глаз Конана, Ларго почувствовал противную дрожь в ногах. Король сидел в удобном кресле, рядом юноша увидел Паллантида и принца Пуантенского. Где-то за плечом взволнованно сопели товарищи.

– Какие они стражники! Это всего лишь ученики, – услышал Ларго голос Паллантида.

– Мы люди торговые, ваша милость, в таких вещах не разбираемся. Они в форме и при оружии – вот мой слуга и позвал этих славных молодых солдат. А имена их я записал для памяти, – ответил командиру Черных Драконов чей-то надтреснутый голос.

Ларго обернулся – и увидел пожилого господина, судя по платью – купца, который, поймав взгляд ученика гвардейцев, слегка поклонился ему как старому знакомому. Юноша узнал этого человека. С полмесяца назад он с товарищами пропивал свое маленькое ученическое жалованье в уютном кабачке, куда любили заходить солдаты. Общее веселье прервало появление огромного чернокожего слуги с варварским именем, просившего пойти с ним и помочь господину, в доме которого произошло убийство.

Эту обязанность после общих прений возложили на подающую надежды молодежь, и поэтому Ларго, Ядрин и Смелидес вместо того, чтобы провести остаток ночи за кружечкой эля,

вынуждены были тащиться за подозрительным слугой в купеческий дом, где зареванные женщины и бледный хозяин с перевязанной рукой толковали что-то о демонах и прочих кошмарах. Как оказалось, демон действительно присутствовал – отвратительное чудовище, даже мертвое внушающее страх. При взгляде на лежащий рядом истерзанный труп Смелидес побледнел и его стошнило, а Ларго и Ядрин назвали раненому купцу свои имена и обещали в случае разбирательства выступить свидетелями.

– Отвечайте прямо, – сдвинув брови, обратился Конан к ученикам гвардейцев, – видели вы в доме купца Симплия демона или нет?

Ларго увидел, как его товарищи шевелят губами, пытаясь выдавить хоть что-нибудь, и понял, что отвечать придется ему.

– Да, Ваше Величество! – как на параде отрапортовал он и перевел дух.

– Купец наверняка подкупил мальчишек. Я не верю в их дурацкие сказки! – в разговор вмешался человек, дотоле не замеченный Ларго. Седой аристократ, облаченный в траурные одежды, выступил вперед: – Ваше величество, я требую правосудия! Этот человек убил моего сына, а теперь пытается заморочить нам голову.

– Почтенный барон Тальпеус, у нас есть основания подозревать, что купец Симплий говорит правду, – вкрадчиво сказал Просперо, и обратился к юношам: – Расскажите, как выглядел виденный вами демон.

– Он... он вонял изрядно... – начал было Ядрин, но, увидев, как поморщился Конан, стушевался и замолчал. На носу Смелидеса выступили крупные капли пота.

– Это будущие гвардейцы или молочные котята, разрази их Кром? – спросил король у Паллантида и кивнул Ларго: – Говори ты, парень. Вид у тебя посмышленей.

– Да мы его толком и не рассмотрели, Ваше Величество, – заговорил почти освоившийся Ларго, – там все было кровью залито. А демон – он размером, наверно, побольше грифа. У него крылья есть, пасть с зубами, когти – что кинжалы. Ни шерсти, ни перьев демон не имеет, а кровь у него зловонная и зеленая какая-то...

– Похоже на то, что рассказывал купец, – заметил Просперо и обернулся к королю: – Из какой преисподней, интересно, вылезают подобные чудища?

– Или кто их оттуда вызывает? – задумчиво отозвался Конан.

Неукротимый барон, чувствующий, что купец ускользает от расплаты, вновь двинулся в наступление.

– Ваше Величество! – в голосе Тальпеуса зазвучали боевые трубы. – Купец со своими приспешниками опутал вас ложью, чтобы скрыть преступление. Эти рассказы про когти и зеленую кровь годны на то, чтобы пугать непослушных детей. Неужели убийство сына владетельного барона окажется безнаказанным? Где же сраженному горем отцу искать справедливости?! – и Тальпеус картинно поднял руки к небу. Видимо, этот жест передавался по наследству в семействе барона вместе с фамильными драгоценностями.

– Если бы ты бродил по миру столько, сколько я, почтенный Тальпеус, ты бы знал, что сказки, пугающие непослушных детей, могут здорово испортить жизнь послушным взрослым, – негромко сказал Конан и обратился к почтительно застывшему в тени распорядителю: – Регар, позови-ка тех крестьян, что на демонов жалуются. Барону будет интересно послушать их сказки.

Дверь отворилась, и четверо вконец оторопевших под устремленными на них взглядами крестьян робко вступили в зал. Самый молодой из них зачем-то держал в руках мешок из грубой дерюги. Крестьяне в пояс поклонились королю, затем остальным присутствующим, и замерли в ожидании.

– Расскажите, любезные, что привело вас к королю, – подбодрил вошедших Просперо. Пожилой благообразный крестьянин откашлялся, снова поклонился и громким голосом начал:

– Государь наш, известно нам, простым земледельцам, сколь важны дела, тобой решаемые, и велик труд, творимый тобой для процветания благословенной Аквилонии. Никогда не решились бы мы придти к тебе со своими чаяниями, если бы не постоянный урон, терпимый нами от мерзостных порождений Сета. Одни твари, непредставимо огромные, топчут поля наши и разрушают дома, другие, размером небольшие, но злобные как демоны, нападают на людей и скотину, и сладить с ними нам не под силу. И с каждым днем их все больше и больше, люди боятся уже выходить в поле, где их может настигнуть смерть. Многие бросают свои дома и бегут, чтобы спасти детей от когтей творений тьмы. И вот мы, старосты деревень Пеледуй... – один из крестьян низко поклонился, – ...Верхняя Сунила... – высокий сутулый старик наклонил голову, – Большая Тугела... – тут поклонился говоривший, – ...а также Мокрый Чорох... – молодой крестьянин испуганно тряхнул мешком, – решились идти в столицу к Вашей Милости, чтобы просить о защите верных его подданных...

Барон Тальпеус, с трудом дождавшийся конца неторопливой речи просителя, вспрянул как боевая лошадь и вскричал:

– Ваше Величество, как можно верить этим грязным мужикам? Они сочинят любую байку, лишь бы увильнуть от податей! Купец мог заплатить еще дюжине свидетелей, якобы видевших демонов...

– Барон, твое усердие переходит всякие границы... – холодно проговорил принц Пуантена. Пожилой крестьянин обернулся к разгневанному аристократу и с достоинством произнес:

– Мы, Ваша Милость, не для того оставили свои семьи и поля и отправились к самому королю, чтобы байки плести. Янгор, открой-ка мешок!

Названный Янгором парень вышел вперед и, раскрыв мешок, вытряхнул его содержимое прямо к ногам сидящего короля. Раздался общий вздох изумления и ужаса, Просперо и Паллантид невольно отступили назад, и лишь Конан с задумчивостью глядел на валяющийся перед ним предмет. Это была отвратительная голова неведомого чудовища – чешуйчатая, покрытая какой-то вязкой слизью, с глубоко посаженными маленькими глазками, казалось, смотревшими на присутствующих с непотухшей и сейчас яростью. Полуоткрытая пасть зверя обнажала двойной ряд треугольных зубов, мерцающих в полутьме зала призрачным сиянием.

– А у нашего демона зубы не светились... – с невольным уважением произнес Ларго, нарушив общую тишину. Ядрин с силой ткнул друга в бок, и Ларго, скривившись, замолк.

– Давненько я не видел дохлого демона, – усмехнулся Конан. – Почти год прошел...

– Это чудище убил молодой Янгор, когда оно напало на его дом, – сказал крестьянин, насладившись произведенным впечатлением и украдкой взглянув на побледневшего барона. – Вот такие байки встречаются у нас по ночам. Этот еще не самый крупный, того убить совсем невозможно... Ползет вся эта нечисть из леса Руазель, мы не раз проверяли – следы ведут оттуда. А кто ходил в Руазель вечером – тех мы больше не видели...

Конан оттолкнул ногой голову демона и поднялся с кресла.

– Я думаю, что досточтимому барону достаточно доказательств. Купец Симплий объявляется невиновным. Барону запрещается как-то преследовать купца или мстить ему и его семье.

Купец прижал ладони к груди и благодарно склонил голову. Тальпеус последовал его примеру, но резкое движение рук, оторвавших кисть от вышитого пояса барона, выдало его недовольство.

Покончив с этим делом, Конан обратился к крестьянам:

– Я выслушал вашу жалобу. Я обещаю вам, что в ближайшее время мы найдем способ справиться с демонами, терзающими вашу округу, – и, кивнув, король заговорил с Просперо, давая понять, что аудиенция окончена.

Крестьяне склонились до земли и, пятясь, вышли за дверь. За ними последовали купец с торжествующей улыбкой и хмурый барон. Паллантид махнул рукой ожидающим приказа юно-

шам – мол, проваливайтесь поскорее, и те не заставили себя упрашивать, торопливо поклонившись и выскользнув из зала.

– Слава Митре, обошлось! – воскликнул Смелидес, утерев пот. – А я уже распрощался с жизнью.

– Считаю, что ты сделал это про запас, – ободрил товарища Ларго. Ядрин хрипло рассмеялся.

– Они, наверно, решат поехать охотиться на чудовищ, – пробормотал Ларго, взглянув на закрывшуюся за ними дверь. – Нас-то, небось, не возьмут...

– И слава Иштар, – отозвался Ядрин. – Не хотел бы я встретиться с таким зверем ночью в лесу! По мне так лучше с человеком драться, чем с потусторонней тварью.

– А мне все равно, с кем драться. Лишь бы победить! – и Ларго, обняв друзей за плечи, зашагал прочь от королевских палат.

* * *

Ларго как в воду глядел – через три дня было во всеуслышание объявлено, что, «выслушав немало жалоб горожан и крестьян на неизвестных ранее тварей, всячески вредящих людям и скоту, решили мы направить отряд королевских воинов к лесу Руазель, дабы выяснить, действительно ли оттуда распространяются оные твари, и как можно их извести.» Ходили слухи, что отряд поведет сам Конан Аквилонский.

А жалоб на «неизвестных ранее тварей» действительно набралось немало. В Тарантии уже вовсю говорили о безумных демонах, нападающих по ночам на жителей прямо в их домах. Офицеров городской стражи больше не удивляли сообщения о найденных трупах людей и животных, растерзанных и изуродованных. Случалось, демона удавалось убить, и тогда бежавшие соседи дивились на невиданного жуткого зверя, снабженного крыльями и острозубой пастью. Но справиться даже с этими некрупными, но сильными и одержимыми жаждой крови тварями было непросто.

От прибывающих в город крестьян, бежавших из окрестностей Руазеля, тарантийцы узнавали о других странных созданиях – огромных и тупых, которые разваливали дома, как ребенок разрушает кукольную постройку из соломы. Поговаривали, что Аквилония прогневала Дарителя Жизни, не желающего защитить ее от посланцев Сета. Но чаще обсуждали, не пора ли перебраться из столицы в другие города, где о демонах и слухом не слышали.

Спустя пять дней после вызова во дворец свободный от дежурства Ларго наблюдал за отъездом королевского отряда в лес Руазель. Ласковое утреннее солнце переливалось на алых плащах Черных Драконов, отражалось от копий пехотинцев и сверкало всеми цветами радуги на драгоценностях придворных, во множестве пожелавших сопровождать отряд. Король Конан на огромном черном жеребце хмуро смотрел, как придворные усаживаются на покрытых изысканными попонами лошадей, суетятся слуги, упаковывая корзины с обедом, несколько музыкантов пытаются приторочить инструменты к седлам, развеваются плюмажи, раздаются веселая болтовня и смех, машут платочками дамы... Придворных мало интересовали демоны. Они восприняли поездку в Руазель как очередное светское развлечение, и собирались извлечь из него как можно больше удовольствия.

– Это Нергал знает что такое, – мрачно сказал Конан, оглядывая свое пестрое шумливое войско. – Они словно на ярмарку собрались.

– Это же столичные вельможи, а не наемники или пираты, которыми ты привык командовать, – пожал плечами Просперо, остающийся наместником короля на время его отъезда.

– Если б на их месте были наемники или пираты, я бы чувствовал себя гораздо спокойней, – буркнул киммериец. Но при взгляде на стройные ряды гвардейцев и пехотинцев его лицо просветлело.

– Клянусь Кромом, я рад, что хоть ненадолго покину этот дворец, порой кажущийся мне каменной клеткой! – воскликнул Конан и доверительно сообщил Просперо: – Иногда, знаешь ли, так хочется послать к Сету все королевские дела и с отрядом верных ребят провести дерзкий рейд к немедийцам! Или выйти в море на быстроходном караке, чтобы купцы, завидев твой парус, в ужасе падали на колени...

– Да, бремя королевской власти не смирило твой нрав, – рассмеялся пуантенец.

– Ваше Величество, может, я все-таки поеду с вами? – к королю подошел бледный Паллантид, закутанный в теплый плащ. Он умудрился подхватить лихорадку, и теперь вынужден был оставаться в городе. Конан добродушно махнул рукой:

– Тебе к лекарю надо ехать, а не со мной. Хватит мне забот с этими разряженными вояками, чтобы еще больных с собой тащить. Я уж еле от Белезы отговорился – чуть к Нергалу не свела, все упрасивала с собой взять. Если женщина что-то вбила себе в голову – легче одолеть сотню демонов, чем ее переубедить, – и Конан покачал головой, в который раз удивляясь загадочной женской природе.

Простившись, Просперо и Паллантид отошли, киммериец развернул своего коня – и тут его взгляд наткнулся прямо на Ларго, тоскливо мнущегося с ноги на ногу. Ларго торопливо поклонился и собрался было обратиться с дороги короля, но Конан остановил его.

– Подожди-ка... Ты тот гвардеец, что видел демона в доме старого купца?

Ларго кивнул, донельзя удивленный тем, что король соизволил узнать его.

– Что же ты не в строю Драконов?

– Я всего лишь ученик, Ваше Величество, – сказал Ларго с невольной обидой в голосе. – Нас не взяли в Руазель.

– Бери в конюшне лошадь и поезжай с нами, – приказал Конан. – Думается мне, из тебя выйдет толк, – и, кивнув юноше, король направился в сторону офицеров стражи.

Ошеломленный неожиданной удачей, сулившей значительный взлет невезучему ученику, Ларго опрометью бросился к воинским конюшням. У него не было своей лошади, и конюх с радушным выражением лица – мол, для такого орла лучшего коня не жалко – вывел ему каурую кобылку, чей сварливый нрав был так же бесспорен, как и почтенный возраст. Пришлось скормить ей купленную накануне медовую булочку, чтобы завоевать доверие упрямой животины.

Пронзительный звук трубы разнесся над дворцом, солдаты подравнялись, царедворцы зашумели еще сильнее. Тяжелые замковые ворота заскрипели, открываясь, ожидающие снаряды горожане, собравшиеся посмотреть на отъезд короля из столицы, раздались в стороны, открывая проход для колонны. Ларго примчался как раз вовремя, чтобы успеть занять место в конце строя Черных Драконов, встретивших его появление удивленным молчанием. Король махнул рукой, давая сигнал к отъезду, послышались отрывистые команды офицеров, и отряд потянулся в ворота.

Впереди торжественно вышагивал жеребец короля, сам Конан изредка кивал в ответ на приветственные крики подданных и пожелания поскорей известить руазельскую нечисть. За королем следовали два десятка подтянутых щеголеватых Черных Драконов, сопровождаемые хором женских восторженных голосов. После гвардейцев тянулась полусотня пехотинцев, а за ними крутилось пестрое половодье придворных, каждый из которых, судя по выражению их лиц, готовился уничтожить по меньшей мере дюжину демонов.

За городом жаркое летнее солнце растопило торжественность выезда. Конан оглядывал необъятные поля, покрытые сочной зеленью колышущихся на ветру злаков, тенистые перелески, полные звонкого гомона птиц, широкую сверкающую ленту Хорота, чьи прихотливые изгибы послушно повторяла дорога, и жадно вдыхал пряный от запаха цветущих трав воздух.

Черные Драконы, сохраняющие вблизи государя стройность рядов, негромко переговаривались между собой. Сзади доносилось:

Шла пехота на войну,
Думу думала одну:
Почему нельзя в поход
Прихватить с собой жену?

И нестройный хор луженых глоток подхватывал:

Хей-хо, гей-хо-хо,
Прихватить с собой жену!

Песня, распеваемая бравыми пехотинцами, была длинная и не совсем приличная. Она подробно рассматривала со всех сторон вопрос, почему женщин не берут на войну, и приходила к утешительному выводу, что, несмотря на некоторые неудобства, без них там все-таки намного лучше.

Кортеж придворных растянулся едва ли не на четверть лиги. Там обсуждали охоту, заключались пари на устраиваемые бароном Саморой скачки, спорили о возможности близкой войны со Стигией и декламировали стихи нового придворного поэта. О демонах вспоминали преимущественно шутки ради. Придворные наслаждались загородной поездкой, свежим воздухом, погожим летним днем и изысканным обществом. Нельзя сказать, что вельможи не верили в демонов – они их не боялись, как не боится смерти маленький ребенок.

По краю дороги то тут, то там попадались деревеньки, жители которых выбегали из домов и глазели на королевское шествие. Самые расторопные успевали нарвать цветов и бросали их под копыта лошадей гвардейцев. Какая-то молоденькая стройная девица, отчаянно покраснев, кинула огромный букет прямо под нос каурой кобылке Ларго, чье умиротворение, навеянное маковой булочкой, тут же улетучилось. Вспомнив молодость, она скакнула вбок, ударив крупом едущего рядом вороного жеребца, затем шарахнулась в другую сторону и, исчерпав свою резвость, прочно встала на якорь.

Ларго с тоской глядел на удаляющуюся колонну Драконов, слыша вокруг добродушный смех крестьян и визгливый хохот тощей девчонки, а сзади уже раздавался мерный топот пехоты. Юноша сжал ногами бока лошади, но на кобылку это не произвело впечатления. Ларго ударил ее пятками сильнее – лошадь отрицательно мотнула головой и демонстративно потянулась губами к лежащему рядом вороху цветов. Это окончательно разъярило Ларго, и он, сорвав перевязь с кинжалом, замолотил ножами по блестящему крупу. Пронзительно заржав, кобылка рванула в тяжеловатый галоп, мигом догнав ушедших вперед гвардейцев; при этом в ее глазах ясно читалось намерение в дальнейшем непременно покарать всадника за подобную жестокость.

Деревни, находящиеся вблизи столицы, выглядели как обычно. Но чем ближе кортеж подъезжал к Руазелю, тем явственнее становились видны разрушения, причиненные неведомыми тварями. Все чаще попадались развороченные строения, проломленные заборы, вытоптанные дочиства поля. Встречались целые, но явно заброшенные дома, хозяева которых бежали из этих мест. И выходившие навстречу крестьяне уже не так восторженно приветствовали своего правителя, а больше с надеждой смотрели на солдат, ожидая избавления от демонов. В хмуром молчании проехали Конан и гвардейцы через полностью сметенную с лица земли деревеньку, от которой остались лишь раскиданные повсюду бревна да сломанные яблоневые деревца.

В воздухе уже повеяло вечерней прохладой, когда вдали показалась темная полоска леса Руазель. Посланные вперед дозорные сообщили, что не заметили в лесу ничего подозрительного, зато нашли удобную поляну, где можно разбить лагерь. К наступлению ночи уже вовсю горели костры, вкусно тянуло запахом готовящейся пищи, слышалось негромкое ржание напоенных лошадей и гул разговоров, перемежаемых взрывами смеха и переборами лютневых струн.

Встревоженная непривычным шумом крупная сова бесшумно снялась с ветки и, удивляясь людской беспечности, растворилась в темноте.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Получив свою порцию похлебки и пресную лепешку, Ларго уселся около костра и начал торопливо глотать уже поостывшее варево. После целого дня езды по свежему воздуху есть хотелось ужасно, и обычная солдатская пища казалась не хуже блюд, готовящихся на королевской кухне. Ларго еще пришлось выдержать целый шквал насмешек со стороны гвардейцев, когда выяснилось, что новичок в спешке не захватил миску и ложку, а теперь ждет, что кто-нибудь одолжит ему свои. Благодетель в итоге нашелся, но пока юноша дождался своей очереди – он уже был готов съесть сырым хоть демона.

Расположившиеся у соседнего костра король и офицеры ели то же, что и солдаты – мельком глянув, Ларго убедился в этом, и его уважение к Конану немало возросло. Со стороны отстоящего отдельно лагеря придворных тянуло дразнящим запахом жареного мяса – там слуги крутили на вертелах привезенных с собой кроликов и гусей, и раздавался частый звон чаш – явно не с родниковой водой. Гвардейцы и пехотинцы косились в сторону дворян со смесью презрения и зависти.

Насытившись, Ларго отправился к текшему на краю поляны роднику, чтобы вымыть миску – и едва не угодил на копье часового, скрытого густыми зарослями орешника. Беззлобно ругнув незадачливого гвардейца, часовой снова исчез в темноте, а Ларго недоуменно покрутил головой, удивляясь предусмотрительности офицеров, позаботившихся о карауле в совершенно безопасном, на взгляд юноши, месте.

Вернувшись от ручья, Ларго застал в компании гвардейцев пехотного офицера, которого многие Драконы, по-видимому, хорошо знали. Офицер был невысок ростом, кривоног, пучеглаз и по самую макушку полон собственного достоинства. В одной руке он держал лепешку, а другая застыла в ожидании, пока к нему вернется пущенная по кругу фляга с элем.

– ...и покатила его голова прямо мне под ноги, – увлеченно рассказывал офицер, не забывая откусывать от лепешки. – Так я и расправился с этим Зогар Сагом. Премерзкий был колдун, скажу я вам, даже меч было марать жалко...

Стараясь никого не потревожить, Ларго тихо пристроился около костра – он любил послушать рассказы бывалых офицеров. Хотя здесь на лицах окружающих он почему-то приметил не почтительное внимание к повествованию, а едва сдерживаемые улыбки.

– А я слышал, Чепозус, что ты его из лука подбил, – невинным тоном заметил один из гвардейцев.

– Сначала из лука, – не смутился пехотинец. – Но, думаешь, это Сетово отродье так просто извести? Пришлось еще и мечом добавить...

– А потом, говорят, ты организовал оборону Велитриума? – уважительно допытывался гвардеец.

– Почему только я? – скромно удивился Чепозус, – Там было достаточно защитников – поселенцы, разведчики...

– Конечно, нужно же было этим бездельникам хоть чем-то заняться, пока ты в одиночку сражался в лесах с колдуном и пиктами! – поддакнул гвардеец под прорвавшийся наконец наружу хохот остальных.

Видимо, над Чепозусом и его рассказами смеялись часто и подолгу, так как он не выразил сильной обиды. Вернувшись наконец к нему фляга с элем вновь настроила пехотинца на повествовательный лад.

– Вы вот все ржете, думаете – врет старина Чепозус. А вы бы у нашего короля спросили! – Ларго услышал сбоку ехидный возглас: «А, может, прямо у Эпимитриуса?» – Я короля Конана еще по пиктской войне знаю. Когда он с войском осадил Тарантию два года назад, я сразу понял, что он своего добьется. И вот, дежурю я как-то ночью у входа в королевский дворец

– а тут вдруг топот, шум, факелы... Я уж приготовился принять бой – и неожиданно слышу: «Чепозус, это же я, Конан! Присоединяйся к нам, зачем тебе сражаться за эту старую развалину!»

– Наш король молодец, сразу сообразил, что без помощи Чепозуса он ни за что трон не получит! – прокомментировал кто-то, невидимый в темноте. Чепозус, не обратив на острья внимания, вдохновенно продолжал:

– «Но я же давал клятву верности Нумедидесу! – вскричал я, не вкладывая меч в ножны. – Я знаю, что ты победишь, но не могу нарушить свое слово. Лучше сразу убейте меня!» И, клянусь Митрой, наш будущий правитель посмотрел на меня с уважением. «Я не могу убить тебя, ведь мы вместе сражались у реки Молний», – сказал он. И тогда положение спас Проперо Пуантенский: «Ты клялся в верности прежде всего родной стране, а она стонет под игом нынешнего короля. Я принц, и я освобождаю тебя от клятвы Нумедидесу!» Теперь меня ничто не связывало, и, схватив факел, я повел восставших в покои короля. Но его там не было – старая лиса бежала! «Скорее в тронный зал, он не мог уйти далеко!» – позвал я и бросился вперед, освещая путь остальным. Нумедидес, потерявший рассудок, сидел на троне. «Конан, вот твоя корона, – сказал я, поднимая факел. – Так возьми же ее ради всей Аквилонии!» И наш теперешний король просто взял и задушил Нумедидеса! «Благодарю тебя, верный друг», – произнес он потом и пожал мне руку.

– И опять подарил меч? – поинтересовался один из опытных слушателей.

– Нет, перстень, – с достоинством ответил Чепозус. – Но недруги украли его у меня, чтобы я не смог подтвердить свои слова...

По лицам гвардейцев Ларго понял, что прозвучавшая история, явно плод долгих творческих мук славного пехотного офицера, произвела некоторое впечатление. Чепозус это тоже понял и поспешил закрепить достигнутый успех:

– Вот, помню, лет пятнадцать назад, когда вы еще держались за мамкин подол, случилось мне сопровождать нашего посланника в Туран. И пришлось нам заночевать прямо в пустыне. Стою я в карауле, и вижу...

Ларго поднялся и побрел по лагерю, оставив бравого офицера развлекать слушателей сказаниями о собственных подвигах. Негромко потрескивающие костры освещали лица сидящих вокруг солдат, слышались неспешные бивачные разговоры и смех, булькала закипающая вода в котелке – и Ларго охватило ощущение, что он нашел свое место в огромном и не всегда справедливом мире, и здесь его дом – отныне и навсегда.

Донесшиеся до Ларго лютневые переборы заставили его прислушаться. Песни Ларго любил не меньше, чем истории о воинских подвигах, и потому двинулся на звук. Он сам не заметил, как преодолел небольшой овражек, отделявший королевский лагерь от придворного, и оказался в лабиринте шатров и мелькании факелов. Здесь царило чуть ли не предпраздничное настроение. У самого большого костра толпились хорошо одетые люди, слуги разносили вино и сладости, а в отдалении на лежащем дереве пристроился придворный музыкант, бережно обнимающий лютню. Исполнялась баллада о воителе Алькое, повествующая одну из легенд о его смерти. В последнее время при дворе вошли в моду старинные песни и предания, и музыканты сбивались с ног, разыскивая по деревням седых сказителей и упрашивая их спеть что-нибудь из былого.

Под мелодичное звучание струн напевно лился голос, произносящий древние строки:

В пламенеющем рассвете
Как скала, он возвышался,
Трупы вражьи попирая.
Кровь текла из ран глубоких,
Силы были на исходе —

Только меч разил привычно.
А в глазах плескалось небо,
Напоенное отвагой.
И стигийцы, умирая
От его руки, шептали:
"То сам Митра к нам спустился
В человеческом обличье!"

Чуткие пальцы музыканта неуловимо изменяли свой бег, и мелодия звучала то тревожно, то мягко, лютия могла рыдать, подобно женщине, а порой в ее переливах явственно слышались боевые трубы. Певец сидел, полужакрыв глаза, и, казалось, его ничто не интересует, кроме рождаемой струнами музыки и сливающихся с ней слов позабытой баллады:

Пыль клубится над долиной —
То спешит на помощь другу
Молодой король Олайет.
Сто десятков с ним отважных
Рыцарей, готовых поле
Затопить стигийской кровью.
Лишь прекрасная Энея,
Побледневшая от горя,
Тихо слезы утирает.
Нет в живых ее Алькоя,
Сердце деве подсказало —
Сердце, полное любовью...

— Посмотри-ка, Сервилий, даже солдафоны не остаются равнодушными к искусству великого Тилбери!

Ларго обернулся – двое придворных проследовали мимо, непринужденно беседуя и не удостоив юношу более ни единым взглядом. Ларго попробовал на вкус уже готовый язвительный ответ – и промолчал, решив, что все равно ничего не докажет. Но удовольствие от баллады было безнадежно испорчено, и Ларго поплелся к своим.

Большинство гвардейцев, завернувшись в плащи, спали вокруг костра. Ларго пристроился между двумя товарищами, надеясь, что их мощные спины согреют его в наступившей ночной прохладе, и провалился в сон.

* * *

Ларго проснулся оттого, что ему было холодно. Он открыл глаза – и ничего не увидел. Было то таинственное время суток, когда луна уже не освещает землю призрачным светом, а солнце еще нежится в своих небесных чертогах. Кромешная тьма и тишина царили над спящим лагерем. На месте костров бесшумно плясали алые искорки, изредка где-то в лесу тоскливо кричала какая-то ночная птица. Дрожащий Ларго с трудом поднялся на затекшие ноги и, спотыкаясь, побрел к кострищу. Какое-то время он с надеждой пытался раздуть угольки, но взметнувшееся было пламя тотчас угасало, стоило запыхавшемуся Ларго протянуть к нему руки. Пришлось искать в темноте дрова, натываясь на спящих гвардейцев и выслушивая сонные ругательства, не теряющие от этого, впрочем, своей живописности. Наконец, Ларго смог

уесться у разгорающегося пламени и со стоном наслаждения ощутил, как бежит тепло по негнущимся рукам и ногам.

Ларго уже начал клевать носом, согревшись у весело трещащего костерка, как вдруг явственно услышал короткий вскрик и плеск воды где-то на краю лагеря. Юноша привстал на месте, тщетно пытаясь разглядеть что-нибудь в темноте. Невдалеке приподнялся на локте еще кто-то, и толкнул лежащего рядом:

– Эй, Хотан, там кричали, или мне послышалось?

– Почему мне знать, господин офицер, – проворчал Хотан и попытался вновь завернуться в плащ. Офицер увидел Ларго и строго спросил:

– Ты караульный?

– Нет, господин офицер, – ответил Ларго и порадовался за себя. – Но там действительно кричали, я слышал.

Дотошный офицер разбудил недовольно бормочущего что-то Хотана, и они, прихватив факелы, отправились в ту сторону, откуда раздался крик. Воцарившаяся на несколько мгновений тишина была сметена воплем удивления, смешанного с ужасом, и раздавшимся затем шумом борьбы, треском веток и ворвавшимся в уши Ларго визгом, явно не принадлежавшим человеку. Юноша вскочил на ноги, судорожно нашаривая на поясе кинжал, вокруг зашевелились просыпающиеся гвардейцы, послышалось испуганное ржание лошадей.

– Тревога! Первое пехотное отделение, ко мне! – успел еще услышать Ларго перед тем, как хаос поглотил оба лагеря.

Демоны хлынули из леса, казалось, со всех сторон. Они падали с неба и кидались из травы на не успевших приготовиться к бою людей, молча вцепляясь им в горло. Никто не успевал организовать оборону, команды офицеров тонули в общей суматохе, и каждый сопротивлялся, как мог. Со стороны лагеря придворных доносились истошные вопли ужаса – ничего не понимающие вельможи выбегали из своих шатров, становясь легкой добычей ночных тварей. По поляне метались сорвавшиеся с привязи и обезумевшие от страха лошади, увеличивая панику. Выроненный кем-то факел воспламенил легкий палаточный шелк, и взметнувшееся пламя осветило картину гибнущей стоянки.

Ларго не успел испугаться. Вынырнувшее из темноты животное, похожее на лишенного шерсти волка, чья кожа была покрыта отвратительными складками, молча кинулось на юношу. Под тяжестью зверя Ларго потерял равновесие и рухнул на землю. Капая на лицо Ларго слюной и распространяя зловоние из пасти, демон пытался дотянуться до его горла. Одной рукой вцепившись в нижнюю челюсть существа и стараясь задрать его морду вверх, другой Ларго размахнулся и с силой всадил кинжал в бок противника. Зверь вздрогнул и захрипел, его лапы заскребли по куртке Ларго. Юноша столкнул с себя умирающего демона и поднялся на слегка трясущиеся ноги.

То, что происходило вокруг, напоминало Равнины Мертвых, как о них рассказывают в страшных легендах. Остатки лагеря дворян были полностью объаты пожаром, успевшим перекинуться на окрестные деревья, и в неверном багровом свете уцелевшие люди пытались отбиться от медленно сжимающегося кольца тварей. В отличие от обычных животных, демоны совсем не боялись огня, словно не ведали, что это такое, и зачастую, увлеченные преследованием жертвы, влетали прямо в пламя, превращаясь в живой факел.

Сгустившаяся вокруг поля битвы тьма выпустила еще одного демона – огромного как осадная башня. На покрывающих его массивное тело пластинах и торчащем вперед остром роге плясали алые отблески. Чудовище медленно шло по территории лагеря, его крохотные глазки с тупым удивлением взирали по сторонам. Тяжелые ноги равнодушно давили и людей, и демонов, попадавших на пути.

Оглушенный столами раненых и воплями сражающихся Ларго огляделся и заметил, что возле королевской палатки кто-то сумел наладить оборону – вставшие в круг солдаты довольно

успешно сдерживали натиск кровожадных бестий. Инстинктивно Ларго понял, что лишь там у него будет шанс уцелеть. Подхватив с земли чей-то меч – свой кинжал он оставил в боку убитой им твари – Ларго начал пробиваться к палатке. Каких-то десять шагов, отделяющих его от цели, показались Ларго длиннее всей его жизни. Свалив крылатого демона, кинувшегося на него сверху, Ларго сделал еще один шаг – и полетел в траву, споткнувшись о натягивающую палатку веревку. В тот же миг что-то тяжелое прижало его к земле, и куртка затрещала под острыми когтями.

Пытаясь повернуться и чувствуя свою полную беспомощность, Ларго уже приготовился к неизбежной встрече с Нергалом – но тут тяжесть, давящая на его плечи, исчезла, и чей-то голос буркнул:

– Чего лежишь, раз живой!

Ларго не заставил себя упрашивать и быстро вскочил, едва не налетев на Конана с обнаженным мечом. У его ног, дергая лапами, издыхал напавший на юношу зверь.

Ларго выплюнул набившуюся в рот траву и сказал:

– Спасибо, Ваше Величество.

– Под ноги смотреть надо, – ответил король и отвернулся, ловя на лезвие меча прыгнувшего демона.

Удар меча... Еще один... Тварь с перерубленными лапами, визжа, кубарем катится по земле. Короткий взгляд по сторонам – не нужна ли помощь... Меч вверх – и крылатый демон напарывается на сталь. Еще надо успеть достать вон ту бестию – она сейчас прыгнет на незащищенную спину соседа. Удар... Рискованный поворот на скользкой от крови траве. Еще удар...

Ларго казалось, что он стоит здесь уже двадцать лет, отовсюду лезут эти Сетовы отродья, а он отбивается, отбивается, отбивается... Пот заливает глаза, и некогда даже провести рукой по лбу. Куртка вся в крови – то ли демонов, то ли его собственной. Ларго захлебывался воздухом, который никак не мог насытить рвущиеся от напряжения легкие. Иногда он переставал чувствовать свои руки, и юношу охватывал панический ужас, что сейчас он больше не сможет поднять меч, и твари вцепятся в его беззащитное горло. Но меч упрямо вздымался снова и снова, и Ларго с удивлением отмечал, что еще жив.

Король Конан сражался рядом. Вокруг падали раненные и убитые солдаты – а он продолжал разить своим огромным мечом, и демоны были не в силах совладать с ним. Ларго начинало казаться, что правитель Аквилонии создан из чего угодно, но только не из человеческой плоти. Похоже было, что Конан не ведает ни страха, ни усталости. Молниеносная реакция киммерийца не раз спасала его товарищей – Ларго уже был обязан жизнью своему королю по крайней мере трижды.

Ларго не знал, сколько прошло времени, когда он вдруг ощутил, что натиск демонов пошел на убыль. Нападали они как-то вяло, и количество их явно уменьшилось. На разгоряченное лицо Ларго упала капля дождя, он поднял голову – и с усталым удивлением отметил, что ночь кончилась. Жиденький свет просачивался сквозь деревья, постепенно вырисовывая окружающие предметы. Ларго равнодушно ткнул мечом кожистого волка – и тот поспешил убраться, отказавшись от продолжения схватки. Юноша вновь поднял оружие – но почему-то никто не нападал. Тишина, кажущаяся нереальной после недавней битвы, буквально навалилась на Ларго. Уютно шуршал по листьям мелкий дождик, звенел ручей, где-то шипели, угасая, угли – и робко посвистывала какая-то одинокая пичуга, радуясь началу дня.

Ноги Ларго наконец получили возможность отказать хозяину – и юноша опустился на мокрую траву, машинально продолжая сжимать в ладонях рукоять меча. Если бы сейчас на него напала даже кошка – он не смог бы оказать достойного сопротивления. Но то ли демоны привыкли действовать преимущественно в темноте, то ли просто насытились и устали – вокруг было по-прежнему спокойно. И эта тишина говорила не только об отсутствии ночных тварей. Она говорила об отсутствии людей. По крайней мере, живых.

Ларго заставил себя поднять внезапно ставшую очень тяжелой голову и огляделся. Вокруг вповалку лежали гвардейцы и пехотинцы – с раздробленной грудью, разорванным горлом, вспоротым животом, растерзанным лицом... Ларго скривился, словно от боли, и перевел взгляд дальше. От лагеря придворных остались лишь выжженная трава, дымящаяся под каплями дождя, да обгорелые черные кучи, от которых тянуло тошнотворным запахом паленого мяса. Юноша поспешил отвернуться – и увидел короля, хмуро взиравшего на картину разгрома. Сердце Ларго сжалось от нелепой радости, что не он один пережил эту ужасную ночь. Встав на непослушные ноги, юноша заковылял к Конану. И тут Ларго с изумлением узрел еще одну фигуру, бредущую к своему королю. Это был пехотный офицер Чепозус – окровавленный, встрепанный, помятый, но в выпученных глазах которого по-прежнему светилось чувство собственного достоинства. Только оно удержало Ларго от того, чтобы броситься храброму Чепозусу на шею.

– Посмотрите, нет ли здесь раненых, – коротко бросил Конан своим уцелевшим подданным. Ларго даже слегка обиделся – он считал, что король испытает ту же радость, увидев его персону, какую почувствовал сам юноша. Но, взглянув в мрачное лицо киммерийца, Ларго понял, что для короля, потерявшего за одну ночь добрую половину своих придворных и полсотни воинов, спасенная жизнь какого-то гвардейца уже имеет мало значения.

Ларго медленно пошел по бывшему лагерю, принуждая себя вглядываться в окровавленные и изуродованные лица в поисках проявлений жизни. Но все было напрасно – демоны не оставили в живых никого. На краю лагеря Ларго увидел музыканта, чье пение он слушал, казалось, тысячу лет назад. Его бледное лицо было искажено от ужаса, а разбитая в щепки лютия валялась рядом – видимо, музыкант, не имевший другого оружия, пытался защититься с помощью своей верной спутницы. Ларго стиснул зубы и, наклонившись, укрыл труп музыканта разорванным плащом.

Почувствовав, что сыт зрелищем смерти до конца своих дней, Ларго вернулся к своим спутникам. Чепозус перевязывал какими-то тряпицами многочисленные раны Конана, стойко выносившего прикосновения неумелых рук офицера к поврежденным местам. Ларго содрал задубевшую от крови и разодранную до предела куртку и с некоторым удивлением обнаружил, что весь покрыт царапинами – от незначительных до достаточно глубоких и сильно кровоточивших. Кое-как перевязав наиболее серьезные из них, Ларго наслаждался зрелищем перевязки славного Чепозуса, с ранами которого Конан обращался весьма бесцеремонно.

– Тебя как зовут, парень? – неожиданно обратился король к юноше.

– Ларго, Ваше Величество, – с готовностью ответил тот.

– Ларго, сходи-ка поищи, может, найдешь хоть пару лошадей? Не тащиться же пешком до самой столицы.

Ларго вздохнул, подумав, что победы он хоть сотню демонов, все самые неприятные поручения будут все равно выпадать на его долю. Он плутал по лесу почти до полудня, но отыскал-таки трех лошадей, одной из которых оказалась его строптивая скотинка. Если бы Ларго еще был способен хоть чему-нибудь удивиться, сейчас он наверняка сделал бы это. Видимо, его лошадка была слишком жилистая, чтобы прельстить какого-нибудь демона.

Уже смеркалось, когда вдали, сквозь серую пелену измороси замаячили высокие каменные стены и башни Тарантии. От непрекращавшегося целый день дождя дорогу развезло, и усталые Конан, Ларго и Чепозус, промокшие и с ног до головы забрызганные грязью, выглядели весьма жалко. Их лошади уныло месили чавкающую глину, не чая добраться до стойла.

Предмесья столицы были пустынные, и утешало, что никто не видел их позорного возвращения. Всю дорогу путники молчали, и Ларго мог только предполагать, о чем думает король, лишь вчера торжественно провожаемый своими подданными, ждущими избавления от демонов. Даже Чепозус, казалось, растерял значительную часть своего жизнелюбия, и его мокрый плащ уныло хлопал по бокам столь же унылой лошади.

На надвратной башне уютно мигал желтый огонек. Ларго спешился и подошел к воротам. Они были закрыты.

– Закрыто, Ваше Величество, – глупо улыбаясь, сказал Ларго, испытывавший непреодолимое желание сесть прямо на дорогу и заплакать.

– Разрази их Кром с Сетом и заberi потом Нергал! – мрачно отозвался Конан. – Они что, перепились тут? Ворота закрываются после захода солнца!

– Так солнца-то нет, Ваше Величество, – заметил здравомыслящий Чепозус, и его лошадь печально кивнула головой.

Ларго подошел к огромным деревянным воротам, обшитым толстыми железными полосами, и загрохотал кулаком по мокрым доскам. Звук получился крайне жалким.

– Чего надрываешься, вон колокол висит, – хмуро сообщил Конан и поморщился. На звон медного колокола далеко не сразу из башенной бойницы высунулась лохматая голова стражника.

– Кончай трезвонить! Не видишь – ворота закрыты до утра. Вот утром и приходи!

– Не-ет, – нехорошо улыбаясь, ласково ответил Ларго, – я никуда не пойду. Я сейчас здесь умру, и пусть вонь от моего трупa не даст тебе спать в твоей караулке!

Конан тронул поводья и подъехал ближе.

– Эй, вы, ленивые скоты, открывайте ворота, а то гнить вам до конца своих дней в Железной Башне! – заорал киммериец, окончательно потерявший терпение.

Из башни высунулась другая голова – на сей раз в островерхом шлеме.

– Я, может, и в Железной Башне гнить буду, а ты погниешь до утра туточки, вот около этой самой лужи! – и голова в шлеме удовлетворенно заржала.

– Открывайте ворота своему королю, вы, помесь осла и гиены! – зарычал Конан.

– Вот мы своему и откроем, когда время придет! А ты остынь под дождичком, человек хороший, – посоветовали с башни. Но упоминание о короле, видимо, заставило начальника караула оторвать зад от уютной скамьи и выяснить, кто набрался такой наглости, чтобы выдавать себя за правителя. Голова в шлеме пропала, а вместо нее высунулась красная физиономия, явно не принадлежащая рядовому. Физиономия некоторое время всматривалась в бушующего внизу Конана и, внезапно сменив красный цвет на мертвенно-зеленый, исчезла. Вскоре загрохотал засов, ворота с натужным скрипом отворились, и король со спутниками смог, наконец, въехать в свою столицу.

– Ваше Величество, мы-то... мы думали, вы еще в Руазеле... злого умысла не имели, Ваше Величество... Не велите казнить!.. – запинаясь, бормотал тучный капитан стражи, за спиной которого вытянулись в струнку лохматая голова и голова в шлеме. Конан окинул их взглядом и сплюнул, выразив этим свое отношение к офицеру и обеим головам.

– Почему так рано закрыты ворота? – требовательно спросил король.

– Так приказ... Только сегодня получили... В городе больно беспокойно, Ваше Величество – вот и решено ворота закрывать до захода солнца, – оправдывающимся тоном сообщил начальник караула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.